Войти в бездну

Автор:
Андрей Мартьянов

Войти в бездну

Андрей Мартьянов

Войти в бездну #2

Российская Империя, Германский Кайзеррейх, США, Исламский Халифат и Китай - вот основные государства, ведущие борьбу за лидерство в космосе.

Один из кораблей Халифата в результате аварии оказывается в открытом пространстве за пределами Солнечной Системы, где обнаруживает блуждающую черную дыру. По расчетам объект пройдет в районе Солнца через несколько лет, что будет означать гибель Земли. Информацию перехватывает разведка Российской Империи и начинает свою игру, ведь планет, пригодных для колонизации, всем не хватит.

Андрей Мартьянов

Войти в бездну

Автор искренне благодарит друзей, помогавших в работе над текстом:

• Ольгу Черную (Иерусалим)

• Ирэну Бленд (Мигдаль-а-Эмек)

• Александра Кампинса (Рига-Санкт-Петербург)

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

Откровение 21:1

ПРЕДВАРЕНИЕ

Российская Империя, Санкт-Петербург,

16 февраля 2282 года по РХ

Между зданием Генерального штаба и жилым крылом Зимнего дворца ровно шестьсот девяносто шагов. Это если идти не «верхами», а по туннелю, проложенному под Дворцовой площадью в последние годы XIX века, сиречь почти четыреста лет назад. Разумеется, за минувшие столетия тоннель неоднократно подновляли, перестраивали и оснащали новейшими системами безопасности – ныне беспристрастная техника способна зафиксировать движение любой пылинки, оказавшейся в коридоре, соединяющем два самых охраняемых здания имперской столицы. Добавим сюда шесть постов охраны, подведомственной адмиралу Бибиреву, и гвардейские караулы, которые подчиняются Министерству Двора. Мышь не проскользнет.

За два с лишним года я изучил этот путь наизусть, точно знаю, где находятся швы на зеленом ковровом покрытии, кто из офицеров в какой день недели дежурит, когда меняются коды на герметичных дверях-шлюзах… Я часто бываю в Зимнем, за что следует поблагодарить его высокопревосходительство адмирала, устроившего ранее никому не известному лейтенанту протекцию, о какой любой военный может лишь мечтать.

Замечу, что я не министерский бюрократ, протирающий штаны в кабинете и знакомый только с компьютером да бумажками. Как был «полевым» работником,

так им и остался – после громкой истории двухлетней давности, когда ваш покорный слуга в теплой компании неподражаемого Вени Гильгофа, внештатного консультанта Маши Семцовой и нескольких головорезов из элитных подразделений России и Германии ухитрился провернуть авантюру едва ли не вселенского масштаба, имевшую громкие международные последствия, господин Бибирев счел нужным навесить мне орден св. Михаила (любезные союзнички, кстати, тоже не ударили в грязь лицом, одарив Железным Крестом II класса. Скромненько, но со вкусом), присвоил вне очереди капитанское звание и перевел в Генштаб. Так что теперь я состою при оперативном отделе Главного Разведывательного Управления и на скуку отнюдь не жалуюсь. У нас не заскучаешь.

По большому счету я так и остался рыцарем ножа и топора, решительно непохожим на лобастых аналитиков из группы «Юпитер» или располневших министерских бюрократов-полковников, – отстаивать интересы Империи чаще всего приходится не в уютном кабинете (да-да! Представьте, у меня есть собственный кабинет!), а в самых экзотических местах, от каменистых пустынь Персии до джунглей Индонезии или даже солончаков наигнуснейшей планетки Меггидо, что в системе Лалланд-21185. В полной боевой сорок километров галопом, попа в мыле, ноги в кровь, над головой посвистывает, личный состав радуется жизни – все как в старые добрые времена. Изменились только социальный статус и степень ответственности.

Фундаментальная аксиома со временем не изменилась: плох тот солдат, который не хочет стать генералом. Я – хочу. Если все так и будет продолжаться, погоны без просветов рассчитываю получить эдак к исходу третьего десятка. Мое представление на майора намедни ушло по инстанциям – опять же спасибо присматривающему за мной адмиралу и неисчерпанному резерву собственной удачливости.

Вернемся, однако, к коридору между Генштабом и Зимним дворцом. Через двадцать минут мне вновь придется повторить этот путь, причем на этот раз в компании его высокопревосходительства – нас обоих желают видеть. Кто именно, можете догадаться сами. Решительно не представляю, что нас ждет – очередной звездопад милостей за удачную операцию на Меггидо или громкая выволочка за безобразный провал в Южной Америке, откуда я с огромным трудом унес ноги, схватив пулю в левое подреберье. Дешево отделался, между прочим, – мое бренное тело вполне могли вернуть на родину разъятым на крупные и мелкие части, аккуратно расфасованные в консервные банки…

Бибирев приказал спускаться вниз к четырнадцати ноль-ноль. Никаких служебных документов и отчетов, никаких докладов или рапортов. Наверху (я уставился в окно, в тысячный раз оглядывая бело-зелено-золотое здание Дворца на противоположной стороне площади) требуется лишь моя скромная персона в натуральном виде, без приложений и дополнений, если не считать таковыми черную форму ВКК, которую я с самого начала наотрез отказался менять на генштабовский китель цвета морской волны. Всю жизнь служил в Корпусе и теперь не вижу смысла подстраиваться под обстоятельства, хамелеонски меняя окраску.

Курить в кабинете вообще-то нельзя (у нас издавна и совершенно безрезультатно борются за здоровый образ жизни сотрудников), но я обошел инструкцию, в красках повествующую о «специально отведенных местах» и внаглую вывесил над собственным столом табличку «Место для курения» – не придерешься! А кто начнет придираться – вылетит из кабинета как ядро из старинной пушки. Мы люди простые, с куртуазиями не дружим.

Щелкнула зажигалка, голубой дым поплыл по комнате. За окном шел мокрый снег, золотой штандарт с черным орлом над Зимним уныло обвис. Я пробежался пальцами по клавиатуре, быстро просмотрев все последние документы – вдруг все-таки пригодится? Подивился на утреннюю сводку из Исламского Союза – у наших южных соседей очередной бзик, для европейского разума непостижимый: они вдруг начали подготовку к производству старинных пулевых автоматов Калашникова, выкупив у нас пожелтевшую от времени лицензию. Почему тогда не мушкеты и не бомбарды? АКМ образца 2006 года в Империи снят с вооружения лет двести назад, все армии цивилизованного мира давным-давно перешли на импульсное или лучевое оружие, а Тегерану, вишь ты, потребовались древние, пускай и очень надежные, стрелялки – ну сами представьте, как во время Второй мировой люди сражались бы на шпагах и алебардах?..

Так. Осталось семь минут. Опаздывать неприлично даже к стоматологу, не говоря уже о встрече с Адмиралом Флота и особой августейшей. Окурок канул в пепельницу-уничтожитель, исчезнув в бледной вспышке. Я взглянул в зеркало, поправил галстук и воротник парадной белой рубашки, отметил, что орденская планка жидковата и выглядит несолидно (ничего, заработаем полный иконостас, вся жизнь впереди!), запер дверь в кабинет – на электронном замке вспыхнул красный огонек.

Спустился на лифте на первый подземный уровень и сразу наткнулся на сурово-оценивающие взгляды поста охраны. Я этих ребят знаю как облупленных, не раз бузили вместе в «Гамбринусе» или «Вальхалле», но сейчас они имеют полное право и святую обязанность мне не доверять – в прямом соответствии с уставом караульной службы и строжайшими инструкциями.

Личная карточка отправилась в прорезь сканера, кобура с пистолетом в сейф. Если приспичит, в здании Генштаба я могу спокойно разгуливать хоть с гранатометом (буде таковой окажется зачислен в реестр штатного оружия), но в особо охраняемую зону без специального разрешения нельзя проносить ничего, что может представлять потенциальную опасность – к примеру, электронные приборы или сильнодействующие лекарства.

– Добрый день, Сергей Владимирович. – Створки лифта бесшумно разошлись, и я услышал тихий голос обожаемого шефа. – Я заставил вас ждать?

Адмирал, как и всегда, был в статском платье – форму он одевает только на официальные мероприятия. Костюм безупречен, галстук от Кардена, туфли бросают на стены солнечные зайчики, белоснежно-седые волосы зачесаны назад. Осанке позавидует любой гвардеец. В свои неполные семьдесят его высокопревосходительство выглядит безукоризненно, так, словно является олицетворением могущества Империи. Впрочем, Бибирев и есть это самое «олицетворение». Не первый год занимая прочное место в первой десятке самых влиятельных и осведомленных людей планеты, адмирал четырнадцать лет бессменно руководит ГРУ и Управлением Имперской Безопасности, конторами, о которых и думать-то к ночи не рекомендуется, не то что упоминать их названия вслух…

– Больше всего меня умиляет лента Железного Креста под вашей верхней пуговицей, – усмехнулся адмирал, отдавая свою карточку охране – правила одни для всех, будь ты уборщиком или министром госбезопасности. – Непатриотично, не находите?

– А у вас в петлице значок ордена «Почетного Легиона», – парировал я, указывая взглядом на крошечный бело-золотой пятилучевый крестик. – Носить французские награды патриотичнее?

– Вы, Сергей, невероятно похожи на ёжика, – усмехнувшись, заявил Бибирев, забирая свое удостоверение у молчаливых блюстителей. – На которого, как известно, голым профилем не сядешь. Чуть тронешь – выставляете иголки. Не сердитесь, орден вы заработали честно, никаких претензий…. Кстати, после той истории я попенял фон Эшенбургу, что следовало бы сразу вручить вам крест первого класса, но оказалось – нельзя по статуту. Сначала второй, потом первый, и уж затем прочие степени… Ничего, успеете, какие ваши годы! Мне, глубокому старцу, остается лишь завидовать. Идемте. А «Почетный Легион» я люблю в основном из-за того, что он очень красивый и отлично подходит к этому костюму.

Вот он, знакомый зеленый ковер дворцового тоннеля. Подошвы ботинок тонут в мягком ворсе, звук шагов совершенно скрадывается. Через двести метров – новый пост, процедура повторяется. Поблескивают крошечные глазки системы видеонаблюдения.

– Будут бить? – осведомился я. – Если да, то за что именно? История в Аргентине?

– Вас в училище знакомили с понятием «субординация»? – фыркнул адмирал. – А где обязательное «ваше высокопревосходительство» при обращении к министру и действительному тайному советнику, стоящему на третьей сверху ступени в государственной иерархии? И потом: что значит «бить»? Монарх не «бьет», а выражает неудовольствие недобросовестным исполнением верноподданными своих прямых обязанностей… Не беспокойтесь, мой юный друг, бить по голове тяжелыми предметами нас никто не станет. Равно как и выражать неудовольствие. Других проблем выше головы. Да столько, что не разгрести без бульдозера…

– А хотя бы в двух словах?

– В двух? Извольте. Исламский Союз.

– Опять? – поразился я.

– А вы чего от них ждали? Бесплатного шербета? Никто не спорит, у нас отличные отношения с Халифатом, мир-дружба не разлей вода. Особенно после Азиатской войны шестьдесят четвертого года, когда кое-кто показал кое-кому

где конкретно зимуют раки…

– Да уж, показали, – я покачал головой. – Превратили в пустыню четверть Халифата, попутно угрохав пятьдесят с лишним миллионов…

– Не одобряете? – поднял бровь Бибирев в своем излюбленном жесте. – С чего бы? Или мне напомнить, кто именно нанес ядерный удар по Индии и атаковал нашу Среднюю Азию? Мы, индусы и американцы всего лишь ответили. Считайте меня законченным циником, но это была своего рода… назовем так: профилактика демографической катастрофы. В политике следует руководствоваться не только одной, пусть и наиважнейшей целью – например, быстро победить в войне со спятившим невротиком-шейхом вроде ибн-Сабади, – а еще и несколькими другими. Халифат был перенаселен, что являлось прямой угрозой соседям, в том числе и нам. В конце концов, они первыми применили ядерное оружие. И получили по мозгам. Чего же в этом предосудительного?

– Ровным счетом ничего, – согласился я. – Но сейчас-то откуда трудности? Вроде бы мы их надолго… э… умиротворили.

– Однажды я вас уволю, – горько вздохнул Бибирев. – Просто вышвырну на улицу. Пинком. Пойдете работать ассенизатором в зоопарк, верблюжье дерьмо разгребать. Вопросы, касающиеся особо охраняемых государственных тайн, следует обсуждать только в соответствующих помещениях, защищенных от прослушивания и сканирования… Нет?

– Виноват, – буркнул я.

– В нашем ведомстве не держат параноиков, господин капитан. Но мы обязаны помнить о главном принципе, на котором держится вся система.

– Каком же?

– Кругом враги! – голосом злодея из плохой мелодрамы прошипел адмирал и расхохотался.

* * *

Зимний как был, так и остался музеем, лишь юго-западное крыло дворца, выходящее окнами на площадь и Адмиралтейство, было отдано под официальную резиденцию Его величества – жилым был только второй этаж, первый и третий занимали службы обеспечения. Разумеется, крыло перестроили в соответствии с требованиями времени, но на внешний облик пятисотлетнего сооружения это никак не повлияло.

За последние два года я видел Михаила Александровича не менее двадцати раз, обычно по завершению представляющих узкоспециальный интерес авантюр, архивные документы о которых уничтожаются как можно быстрее и как можно тщательнее.

Парадокс: после бурной эпохи парламентской демократии в XX-XXI веках монархия вновь оказалась востребована – в России ее восстановили после военного переворота генерала Макарова в 2018 году (Земский Собор отдал престол одному из младших английских принцев из Виндзорской династии, принявшему православие и женившемуся на русской), немцы после национального референдума вернули трон Гогенцоллернам спустя семнадцать лет, не устояли против искушения Греция, Югославия и Австрия, причем в последнем случае получилось вообще нечто невероятное – вначале австрияки объединились с венграми и чехами в единое государство, затем после династического брака и подписания соответствующего договора возрожденная Австро-Венгрия вошла в состав Германского Кайзеррейха, ныне являющегося крупнейшей страной Западной Европы – от Северного моря до Адриатики и от Мааса до Мемеля-Клайпеды. Дольше всех новой политической моде сопротивлялись три строптивых прибалтийских карлика, но и они через тридцать лет закончили свое бренное существование, коим, подозреваю, сами тяготились – Литва отошла к России на правах Великого княжества, а Латвию с Эстонией (точнее, нынешние герцогства Курляндия, Лифляндия и Эстляндия) две великие державы честно поделили напополам, взяв под совместный протекторат.

Словом, последние десятилетия XXI века были богаты на исторические события и передел государственных границ. Как-то незаметно в Империю вернулась Средняя Азия, Западная Украина отошла по референдуму австрийцам (невелика потеря, честно говоря. Остеррейх потом с ними намаялся…), а восточная – русским, просьбу о вхождении в Российское Содружество подала аж Монголия,

что было неожиданно, но приятно… Азербайджан со временем оказался в обширнейшем Исламском Союзе – Халифате, объединившем страны Аравийского полуострова, Ирак, Иран, Пакистан и Афганистан. В Европе верность республиканским традициям сохранили только Франция, Швейцария Польша, Италия да Португалия. В прочих государствах, не вошедших под сень скипетров Кайзеррейха (ныне вполне справедливо именуемого «Великогерманским») или Российской Империи, цвели и пахли демократическо-монархические режимы, ничем не отличающиеся от какой-нибудь Дании или Норвегии в XX веке. В результате все остались довольны.

Впрочем, нет, не все. Но эта страна вечно недовольна всем, что хоть чуточку отличается от ее стандартов. Но речь сейчас идет не о Соединенных Штатах, а о старушке Европе и наших родных осинах.

…За минувшие двести шестьдесят четыре года на Российском троне сменилось одиннадцать монархов, среди которых были три женщины, включая знаменитую императрицу Анну II, матушку нынешнего государя – именно во время правления Анны Павловны мы одержали блестящую и молниеносную победу в Азиатской войне против Халифата. Замечу, что по Конституции правящий монарх владеет полномочиями, сравнимыми с президентскими, и не является красивой ширмой парламентаризма, как в Англии или Испании.

Механизмы поддержания равновесия власти продуманы. Наследование трона идет не по принципу старшинства и первородства, а по системе, впервые разработанной еще Петром Великим, то есть корона и скипетр переходят по завещанию наиболее способному представителю императорской фамилии, будь то мужчина или женщина. Кандидатуру в обязательном порядке должно одобрить Земство – защита государства от мелкого тирана или просто дебила на троне гарантирована. Парламент никуда не исчез и мирно трудится – Дума осталась в Москве, а двор и все важнейшие министерства еще в прошлом веке переехали в Петербург. Единственное, на что не имеют права покушаться Дума и Государственный совет – это на политику в области освоения космоса. Корпус, Флот и все Колонии находятся под прямым управлением Императора и соответствующего ведомства. Своего рода государство в государстве.

Вот так и живем. Никто особо не жалуется – чем плохо быть подданным огромной, стабильной и богатой Империи, чье население скоро перевалит за миллиард? Власть у нас сугубо светская, во многом либеральная, но вот на хвост ей лучше не наступать – ибо чревато.

Благополучно царствующий уже девятнадцатый год кряду Михаил IV в молодости получил не военное образование, как большинство представителей августейшей фамилии, а филологическое и философское. Что совершенно не мешает ему быть вполне достойным главой государства. Он не знаменит никакими эпохальными свершениями, к каковым, однако, и не стремится – времена потрясений и пассионарных взрывов, когда были заложены основы всего, давно прошли, здание Империи стоит незыблемо и главной задачей власти ныне является поддержание существующего порядка и распространение нашего влияния за пределы Земли. Последняя задача считается приоритетной, конкуренция исключительно жесткая и, если мы окажемся нерасторопными, то наши заклятые друзья спихнут опасного соперника на обочину, захватив лидирующие позиции.

Скажете, что космос большой и там всем хватит места? Что ресурсы Вселенной неисчерпаемы, а делить их нет смысла – каждому достанется свой жирный кусок? Совершенно верно. Но есть одна маленькая поправочка: до этих ресурсов сначала надо дотянуться, что является нелегкой задачей.

Из всех планет Солнечной системы мы более или менее исследовали Марс, но его широкая колонизация невозможна, пока там не появится близкая к земной атмосфера и не стабилизируется климат. Ждать придется лет двести-триста – атмосферные процессоры работают на полную мощность, строится еще несколько десятков подобных установок, но труды по приданию красному лику Марса хоть какого-то сходства с Землей далеки от успешного завершения. Кроме того, это невероятно дорогое удовольствие, гораздо выгоднее вкладывать деньги в Дальний Флот и искать планеты земного типа за пределами нашей системы. Однако и тут есть свои трудности – за два столетия эпохи Освоения мы отыскали в ближайшей округе всего-навсего шесть планет с кислородно-азотной атмосферой, где человек может существовать относительно комфортно. Причем две из них больше напоминают Антарктиду, две другие абсолютно безжизненны благодаря минимуму воды, на Гермесе почти невозможно использовать технику сложнее ручной кофемолки. Только Афродита в системе Сириуса может похвастаться идеальными условиями…

Никто не спорит, мы пытаемся колонизировать даже самые негостеприимные миры, особенно если они богаты полезными ископаемыми, строим защитные сферы над поселками, тратим безумные средства, надеясь, что рано или поздно инвестиции окупятся. Человечество успело наследить в тридцати четырех ближайших звездных системах, от Проксимы Центавра до Эпсилона Эридана, в

колониальном реестре числится сто двадцать шесть поселений и исследовательских станций с общим населением в миллион триста тысяч человек – шестьдесят пять тысячных от общей численности населения Земли. Ничего не скажешь, выдающееся достижение…

Если верить аналитикам, в текущем столетии мы вполне сможем отыскать еще минимум три планеты земного типа в радиусе 20 световых лет от Солнечной системы. Мало, конечно, но звезды спектрального класса G встречаются не так часто, как хотелось бы, а дальность наших путешествий ограничена – человечество пока не в состоянии устраивать прогулки слишком далеко от дома, мы не можем отыскать универсальных точек входа-выхода в искривленное пространство, благодаря которому люди получили возможность посетить ближайшие звезды. Нам известна лишь крошечная часть Лабиринта, маленький участок с десятком-другим проходов. Дальнейшие исследования зашли в тупик, и прорыва в этой сфере в ближайшее время, увы, не предвидится.

Новая эра великих открытий отнюдь не оказалась романтичной и захватывающей, весьма отличаясь от представлений не столь далекого прошлого – яблони на Марсе как не цвели, так цвести и не собираются, никаких следов иных цивилизаций доселе не обнаружено (уж не знаю, к лучшему это или к худшему), а единственным сверхоткрытием оказалось обнаружение развитой биологической жизни на Гермесе и Афродите, причем эволюция на данных планетах шла параллельно земной, породив существ, до смешного похожих на всем знакомых кошек-мышек-зайчиков.

– О чем задумались, капитан? – меня отвлек голос Бибирева. – Вам решительно не идет такое выражение лица – напоминаете пропившегося до исподнего кондотьера, размышляющего после многодневного кутежа о бренности всего сущего.

– Шутить изволите, ваше высокопревосходительство? Не люблю, когда вы шутите, это признак того, что грядут крупные события, причем не самые радостные.

– Неужели так заметно? – скривил губы в невеселой улыбке адмирал. – Раньше не обращал внимания, учту на будущее.

Лифт плавно остановился, и мы оказались в жилых покоях Резиденции. Дежурный гвардейский лейтенант, опознав Бибирева, молча указал на двери Ореховой гостиной.

– Замечательная привилегия, входить без доклада, – прошептал Бибирев, подмигнув. – Я ее получил после четверти века безупречной службы будучи в чине контр-адмирала, а вы, Сергей, только лишь капитан и всего восемь лет в армии… Другой бы на вашем месте возгордился. И хвастался перед девушками.

Вошли. В комнате ничего не изменилось – резная мебель, пылающий камин, старинное серебро, картины с видами Флоренции. Высоченные книжные шкафы. Обязательная бутылка с армянским коньяком на столике – специально для Бибирева, питающему слабость к золотому напитку.

Единственный обитатель гостиной поднялся нам навстречу.

– Здравствуйте Николай Андреевич, господин капитан…

Мы вытянулись и замерли. Этикет прежде всего.

– Присаживайтесь. А я пока воспользуюсь правом гостеприимного хозяина…

Звякнули миниатюрные золотые рюмочки.

Я знаю, что в разговорах один на один Бибирев с государем общается на «ты» и по имени, но когда появляются третьи лица, торжествует непременная субординация. Михаил выглядит уставшим – ночью вернулся из поездки в Грецию, со свадьбы тамошнего наследника трона. Видимо, так и не ложился. Император смотрится старше своих сорока четырех лет, старят короткая, но густая борода и седые пряди в шевелюре. Одет привычным домашним манером – бурые джинсы и свитер с вышитой гвардейской эмблемой.

– Чем обязан столь экстренным визитом? – поинтересовался Михаил, усаживаясь напротив и закидывая ногу за ногу. Дал понять, что встреча абсолютно неофициальная и мы можем чувствовать себя в рамках разумной непринужденности. – Господин адмирал, я был бы счастлив однажды просто поболтать с вами на отвлеченные темы, не касающиеся напряженной работы

вашего незаметного учреждения. Полагаю, эта скромная мечта и сегодня не исполнится?

– Сожалею, сир. – Бибирев предпочитает это архаичное обращение длинному «ваше императорское величество», что правил этикета никак не нарушает. – В наш беспокойный век трудно найти время на беседы о хорошем вине, очаровательных женщинах и старческой подагре. У нас неприятности. Крайне серьезные.

– Давайте перейдем к подробностям. – Михаил остался совершенно спокоен, но взгляд стал настороженным. Знает, что адмирал никогда не употребляет подобных выражений необоснованно.

Бибирев расстегнул папку с тисненым государственным гербом, извлек несколько листов бумаги и выложил на стол.

– Это развернутый доклад четвертого департамента о положении дел в Халифате, сир. Изучите на досуге. Весьма занимательное чтиво.

– Изложите вкратце, – поморщился Михаил.

– В течение последнего года нами отмечены странности в поведении тегеранского правительства. Странности – это еще мягко сказано. Первоначально их действия я квалифицировал как абсурдные, но вскоре начала наблюдаться стройная система, наводящая на грустные размышления.

– Я всегда говорил, что соскучиться с Халифатом невозможно, – хмыкнул император. – Воображение у них богатое, тут не поспоришь. Что они придумали на этот раз?

– Начну издалека. В августе прошлого года саудовский принц Салах отправился на отдых. Вроде бы ничего необычного – стандартное путешествие сверхбогатого молодого бездельника. Собственная яхта с гипердвигателями, вначале на Лунную базу, оттуда на Марс, потом он собирался на Проксиму, конечной точкой была система Kruger-60-A, там очень красивая двойная звезда, есть на что посмотреть… При разгоне до точки входа в районе Сатурна бортовой компьютер яхты засбоил, преодолеть барьер они не сумели, подали сигнал бедствия. Что случилось потом – в точности неизвестно. Спасательные корабли

ничего не нашли, радиомаяк замолчал. Наши специалисты предположили, что яхту выбросило за пределы орбиты Плутона.

– Аварии подобного рода случаются, – пожал плечами Михаил. – Неприятно, конечно, но ничего выходящего из ряда вон. Я слышал, вроде бы все обошлось?

– Почти. Салаха похоронили преждевременно, сир. Да, саудовское правительство сочло его погибшим, был объявлен траур, но спустя четыре месяца яхта принца самым неожиданным образом появилась в пределах обитаемого радиуса Солнечной системы, запросила экстренной помощи, была подобрана оказавшимся неподалеку танкером Евросоюза и доставлена к Земле. Принц должен поблагодарить Аллаха за то, что система рециркуляции воздуха и пищи на яхте работала безупречно, иначе никто бы не выжил. Повреждения судна значительны, но не фатальны, все члены экипажа живы, папаша-шейх счастлив, хэппи энд.

– И дальше?

– На сегодняшний день все участники этого захватывающего приключения, кроме его высочества, мертвы. Причем их смерть не всегда была естественной. Четверо просто исчезли, остальные покинули сей бренный мир самыми разными способами – от неожиданных болезней до беспричинных самоубийств. Семнадцать человек погибли в течение месяца после возвращения Салаха на Землю. Сам принц с тех пор на людях не появлялся, но он жив, сидит под замком в Эр-Рияде, это я знаю точно. Затем: сведения о маршруте корабля и причинах аварийной ситуации не были переданы контролирующим организациям, как того требует Транспортный кодекс. Сослались на то, что память компьютера оказалась стерта, во что не верится – мозг корабля переправили в Тегеран в лабораторию Министерства обороны Халифата. Зачем, почему – тогда было непонятно. Секретность неимоверная, наша работа в данном направлении не принесла никаких результатов. Какие выводы следуют?

– Пока никаких, – разумно ответил Михаил. – Можно предполагать, что арабы отыскали за пределами системы нечто необычное и пытаются скрыть находку, желая попользоваться ею в одиночестве. Так, чтобы не делиться с остальными державами. Поле для фантазий безграничное – мало ли что можно найти в глубоком космосе?

– Мы тоже так думали. Но дальнейшие действия Халифата поставили аналитиков в тупик. Что стали бы делать мы, обнаружив, к примеру, брошенный хозяевами инопланетный корабль, некую новую и невероятно опасную форму жизни или гору сокровищ, спрятанную какими-нибудь галактическими пиратами из приключенческих романов? Верно: потихоньку снарядили бы экспедицию, выделили средства, охрану и втихомолку обследовали интересующий объект. Или уничтожили его в случае реальной угрозы, соответствующие директивы давно разработаны… Но секретные исследовательские миссии Тегеран не проводил. Вместо этого правительство Халифата внезапно начало скупать все доступные космические корабли, включая готовые отправиться на металлолом субсветовые баржи. Для прикрытия организовали липовую компанию по добыче каких-то минералов в системе Лакайль-9352. Довольно неуклюжее вранье – там ничего нет, кроме газовых гигантов со спутниками-булыжниками. Более того, они начали расконсервировать склады с обычными вооружениями, замороженные сотню с лишним лет назад. Там все уже плесенью покрылось и наполовину сгнило… Тегеран расходует огромные деньги на закупку лицензий для производства совершенно архаичного оружия, давно считающегося коллекционным антиквариатом. Имеются данные о подготовке перевода экономики в режим военного времени. И в то же время нет никаких признаков того, что Халифат собирается повторять неудачный опыт войны шестьдесят четвертого года и атаковать соседей – знают, что моментально получат сдачи… Они уже потратили больше сорока миллиардов. За год.

– Настораживает, – покачал головой Михаил. – Весьма настораживает. Почему раньше не доложили?

– Не считал нужным до выяснения всех обстоятельств. Кроме того, эти данные вы получали ранее, сир.

– Конечно, получал. Разбросанными по нескольким десяткам сводок и рапортов. Так, что общую картину выстроишь только засадив за бумаги системного аналитика и четко поставив перед ним задачу. Долгонько же вы держали меня в блаженном неведении, адмирал. Но теперь, как я понял, обстоятельства выяснены?

– Да, – коротко ответил Бибирев, и мне показалось, что голос у него едва не сорвался. – Мы не сидели сложа руки, искали, пытались докопаться до причин. И докопались… На свою голову.

– Не нравится мне ваш тон, Николай Андреевич. Говорите же!

– Ознакомьтесь. – Адмирал выложил на стол еще один лист. По жирной красной линии на левой стороне страницы я понял, что это документ наивысшей степени секретности, предназначенный только для членов правительства и главы государства.

Император прочел. Медленно, вдумчиво. Побледнел. Аккуратно вернул бумагу, и она снова исчезла в папке. Тяжело выдохнул, закашлялся.

– О, Господи… – Руки Михаила заметно дрожали. – Господи Боже… Никакой ошибки?

– Никакой, сир. Данные подтверждены.

– Сколько у нас времени?

– Примерно три года. Возможно, три с половиной.

– Прогноз по количеству жертв?

– От семнадцати миллиардов и выше. Это восемьдесят пять процентов населения планеты. Из числа подданных Империи мы сможем спасти не более двухсот миллионов. При самом благоприятном стечении обстоятельств.

– Кто еще знает? Кроме нас?

– Полтора десятка моих сотрудников. Руководство Халифата, конечно же. Но они будут молчать до последнего. Понимают, чем грозит преждевременная огласка.

– Когда у других государств появится возможность обнаружить… объект?

– Если мы закроем данный сектор пространства и будем попросту сбивать все корабли, которые окажутся в запретной зоне, то не раньше чем через два года. Вы должны принять политическое решение, сир. Следует ли сообщить о происшедшем главам великих держав или хотя бы союзникам?

– Я подумаю… – выдавил император. – Вот что, заседание кабинета в ограниченном составе я назначаю на завтрашнее утро, на девять. Состав определите сами, второстепенных министров не приглашать, чем меньше ушей, тем лучше. Только силовой блок, высшие офицеры Корпуса, вице-канцлер по делам колоний…

– Слушаюсь, сир. Разрешите идти?

Мы вернулись в Генштаб прежней дорогой. Молчали.

– Поднимемся к мне, капитан? – спросил Бибирев после того, как нам вернули оружие. – Надо полагать, назрело множество вопросов?

Я кивнул.

– Николай Андреевич, вы насмерть перепугали не только государя, но и меня, – ударил я в лоб, едва двери адмиральского кабинета затворились за нашими спинами. – Что случилось?

– Случился Конец Света, Сергей Владимирович. Окончательный и бесповоротный. И нам с вами придется сыграть в этом захватывающем спектакле далеко не последнюю роль. Как вам перспектива просквозить из капитанов аж в ангелы Апокалипсиса? Недурное повышение, правда? Читайте…

И Бибирев, щелкнув замочком своей папки, перебросил мне бумагу с красной каймой.

«Гермес. Планета земного типа в системе Вольф 360 (звезда спектрального класса G4, расстояние до Солнечной Системы 7,12 световых лет). Атмосфера кислородно-азотная, сила тяготения 1,04 земного стандарта, период обращения 398 суток. Два материка, шестнадцать групп островов, океан пресный. Формы жизни представлены углеродными организмами, аналогичными земным (стандартная эволюция, тип «Дарвин-IV»). Следов разумных форм жизни не обнаружено.

Первое посещение – 2162 год, экипаж дальнего разведчика «Ниагара» (Канада). Колонизация начата в 2170-м (Канада, Российская Империя). В настоящий момент численность постоянного населения возросла до 633 тысяч человек. Политическая система – имперский протекторат, комитеты самоуправления. Экономический тип – аграрный.

Примечание: дальнейшая колонизация затруднена из-за крайне нестабильного магнитного поля планеты и звезды (невозможность использования высоких технологий).

Общеобразовательный справочник «Человеческая Цивилизация», издание «Аллен amp; Анвин», Лондон, Великобритания, 2280 год.

Глава первая

ГОСТИ С НЕБА

Гермес, звездная система «Вольф 360».

25-26 мая 2282 года по РХ

Ночь выдалась ясная. На черном бархатном поле сияли здоровенные, как старинные серебряные монеты, звезды, мерцал серебристо-голубой хобот Млечного Пути, изредка вспыхивали белые черточки метеоров. Поскольку все электроподстанции Нового Квебека были отключены (скажем спасибо очередной магнитной буре, заставившей всех обитателей города проводить вечер при свечах и газовых лампах), свет звезд не забивали яркие огни и каждый желающий мог получить свое удовольствие, лицезрея модель нашей неуютной галактики в натуральную величину.

Мне было не до любования красотами – попасть бы домой поскорее. Я четко себе представил укоряющие взгляды некормленных уже восемь часов собак и мысленно перед ними извинился. Тоже мне, добрый хозяин… Пес, в отличие от

человека, не сумеет вскрыть банку с консервами, когда проголодается, а будет смиренно ждать возвращения своего двуногого повелителя-разгильдяя.

Впрочем, у меня были оправдания – я бы оказался дома еще перед закатом, не повстречай в муниципальной управе милейшую Амели Ланкло вкупе с ее мрачноватым супругом Жераром. Точнее, Жерар лишь прикидывается угрюмым и величественно-холодным, таким, каким и должен быть серьезный ученый муж, увешанный регалиями по самую маковку. Замечу, что вершиной его карьеры позапрошлым годом стала Нобелевская премия в области биологии и медицины – получив мировое признание и немалые деньжищи, мсье Жерар Ланкло вкупе с семейством вполне мог бы покинуть наш медвежий угол и вернуться в Метрополию, на Землю. Но тут, на Гермесе, ему интереснее, ибо работы – непочатый край.

Нобелевские денежки ушли на обустройство новой лаборатории в колледже Святого Мартина. Жерар, коему претило выклянчивать подачки со стороны колониальной администрации, на свои кровные приобрел необходимую технику и оборудование, после чего с головой ушел в таинственный мир местных жучков-червячков-зверюшек, из общего числа которых изучено и классифицировано не больше пяти процентов.

Да-да – пять процентов, никто не ослышался. Для столь бесперспективных колоний, как Гермес, средства почти не выделяются – живите как хотите, только не подводите с продовольственными поставками в Метрополию, ибо многочисленному населению матушки-Земли очень хочется кушать…

Так вот, встретив чету Ланкло, я сначала отобедал с ними в крошечном русском ресторанчике на Пляс д’Артуа, а потом заглянул в колледж – взглянуть на новое чудо природы, выловленное Жераром во время последнего полевого выезда.

Чудо, занявшее просторный вольер во дворе лаборатории, кровожадно зыркало на представителей вида homo sapiens крошечными красными глазенками, шипело, попискивало и всем своим видом выражало неприязнь к странными тварям, нарушившим тысячелетний уклад древней планеты, никогда прежде не знавшей заразы, именуемой «разумом». Табличка над вольером оповещала всех интересующихся, что чуду присвоено легкомысленное имя «Коко», ибо оно, во-первых, являлось самкой, а во-вторых иногда издавало звук, подозрительно похожий на кудахтанье самой банальной курицы.

– Где вы это раздобыли? – озадачился я, рассматривая через толстое оргстекло крупную тварюгу, напоминавшую неопрятную помесь крокодила и индюшки-альбиноса. Тело зверя формой напоминало ящеричье, но почему-то было покрыто грязно-белыми перьями. – Это что, мутация?

– Ничего подобного, скорее промежуточный этап эволюции. – Жерар, сдвинув густые черные брови, тоже устремил взгляд на недовольную всей Вселенной Коко. – Район Гранд-Бален раньше не исследовался, только аэросъемка… Люди там никогда не появлялись.

– Гранд-Бален? – ахнул я. – Это же у черта на рогах, пять дней конного хода! Как тебя туда занесло?

– Как, как… На своих двоих, – проворчал Жерар. – Плюс гужевой транспорт. Вернулись третьего дня… Тьфу, живем как в Средневековье! Газовые фонари, телеги, оптические микроскопы! Только процессов над ведьмами и инквизиции не хватает!

– Ничего, со временем и это упущение исправим, – не без сарказма сказал я в ответ, подлив масла в огонь. – Отправил бы образцы на Землю или на Альфу, а лучше бы сам уехал – тебя без колебаний примет любой университет.

– Альфа! – передразнил Жерар, кривясь. – Тут мой дом, понимаешь? Тут, на этой засранной планетке, чтоб она!..

Тут интеллигентнейший и благовоспитанный лауреат Нобелевской премии, почетный доктор десятка университетов Земли и колоний, профессор ксенобиологии и прочая и прочая, погрозил кулаком клонящейся к закату звезде, которую мы по привычке именовали «солнцем», и разразился таким градом метафор, эпитетов и весьма пышных сравнений, посвященных системе Вольф 360 вообще и планете Гермес в частности, что даже я, завсегдатай далеко не самых лучших квебекских кабаков и знаток неупотребимого в приличном обществе сленга, выслушал сию проникновенную речь с уважением. Сюсюкавшая с домашним любимцем семейства Ланкло мадам Амели наморщила носик, а сам любимец, имевший вид черно-рыжей морской свинки, вымахавшей до размеров крупного дога (самое мирное и безобидное животное Гермеса, которое вдобавок отлично приручается), в ужасе сбежал и спрятался за клетками, в которых содержались «образцы», призванные толкать вперед науку

– представители здешней экзотической фауны.

Впрочем, я и Амели отлично понимали причины расстройства досточтимого мэтра, продолжавшего громогласно изливать свои чувства. Условий для серьезной работы на Гермесе нет. Правительства Канады и России, под чьим совместным протекторатом мы находимся, не собираются тратить деньги на планету, где компьютеры могут бесперебойно работать лишь тридцать дней в году, когда снижается геомагнитная и солнечная активность. Где любая, даже самая примитивная электронная техника выходит из строя, где спокойно можно заниматься только выращиванием хлеба и кукурузы да разведением овец. Природа отлично пошутила над нами, создав почти идентичную Земле планету с богатейшим животным и растительным миром, с неисчерпаемыми запасами нефти и газа и условиями, идеально подходящими для жизни человека… Вся соль этой неумной шутки состоит в том, что существование техногенной цивилизации на Гермесе невозможно, а современный человек без техники – как без рук.

Некоторые умники скалят зубы, утверждая, что Гермес в нынешнем состоянии удивительно напоминает Англию конца XIX века. Идиллические пейзажи, гурты овец и коровьи стада на склонах холмов, чистенькие домики в редких поселках, цветники, пятичасовой чай… И никаких высоких технологий. Нет даже обычнейшего радио, не говоря уже о голографических трансляциях, компьютерах и кухонных комбайнах.

Транспорты с Земли прибывают на Гермес редко – привозят новости из Метрополии, наиболее необходимые товары, забирают собранный урожай и снова исчезают в звездном тумане. Тем более что даже самым современным кораблям находиться в пространстве Вольфа 360 небезопасно – бывали случаи, когда после очередного электромагнитного импульса навороченная электроника транспортов превращалась в бесполезный хлам, а члены экипажа сохраняли жизнь исключительно благодаря примитивным, но надежным спасательным капсулам.

Первопоселенцами были тщательно изучены периоды активности звезды, и стало ясно, что земные корабли могут совершать прыжки к Гермесу лишь в моменты затишья, а таковые «окна» случаются три-четыре раза за стандартный земной год. Последний грузовик появлялся на нашей орбите сорок дней назад, а следующего надо ждать только через три с лишним месяца. И, что характерно, новых колонистов он не привезет – никто не хочет жить в мирке, цивилизация

которого стоит на уровне века пара и электричества, причем таковое электричество отключают с вызывающей тоску регулярностью ради нашей же безопасности.

Те, кто родился на Гермесе (например, я), живут здесь долгие годы, не испытывая особых неудобств. Привыкли. Ну да, передвигаемся на лошадях или гиппарионах (гермесовский аналог земного ослика, только умнее, резвее и крупнее библейского ишачьего племени), есть несколько тысяч автомобилей с архаичными карбюраторными двигателями (нефть, у нас, слава богу, своя, пусть и добывается прапрадедовскими методами), сельскохозяйственная техника, четыре десятка небольших самолетов для связи с отдаленными поселениями (с любым современным пилотом случится истерика, когда он увидит этих динозавров, воспроизведенных по чертежам середины XX века), но на этом признаки наличия человеческого разума и высоких технологий заканчиваются. Мы были, есть и будем аграрным захолустьем, своеобразным «огородом», кормящим грохочущую в безмерной дали земную цивилизацию…

Подводя итог: романтика первых лет освоения Дальнего Космоса исчерпалась, заместившись серыми буднями. Никто не собирается вкладывать средства в планету, которую невозможно превратить во «вторую Землю». Это касается всех сфер нашей жизни – дальнейшей колонизации, образования, науки… Метрополии неинтересны «тайны» Гермеса, тем более что никаких особых секретов планета не хранит – эволюция жизни шла параллельно земной, со своими, конечно, особенностями. Добыча полезных ископаемых в промышленных объемах невозможна по понятными причинам (использовать «умные машины» нельзя, а человек давно отвык работать киркой и лопатой), а следовательно, Гермес остается в полном распоряжении немногих пассионариев-фанатиков вроде семейства Ланкло, которые пытаются понять, что же за странный мирок прибрало к рукам человечество? Любопытство удовлетворяется за свой счет.

Хорошо еще, что Жерар отхватил нобелевку – теперь ему не надо беспокоиться о деньгах и пропитании для своего зоопарка. Да и мне при колледже живется вполне неплохо – по крайней мере ваш покорнейший слуга числится в штате лаборатории как «консультант» и даже получает небольшое жалованье, которого вполне хватает на скромную жизнь. Впрочем, к какой-либо иной жизни мы не приучены…

* * *

Подходя к дому, я расслышал радостные взлаивания псин, учуявших возвращение кромильца-поильца. Приземистый одноэтажный коттедж чернел на фоне серебрящейся в звездном свете пышной растительности, которую я почему-то именовал «садом» вместо «леса» – моя маленькая резиденция стоит на самом краю городка, у границы девственных пущ, простирающихся на сотни километров к северу и западу.

– Что за шум, а драки нет? – осведомился я, отбросив примитивную металлическую задвижку на калитке ограды и сразу очутившись в центре мохнатого восторженного вихря. – Так-так, тише! Вы же меня с ног собьете, засранки! Голодные? Ну тогда пойдем ужинать!

Собак у меня четыре, все суки – им я симпатизирую больше, нежели кобелиному племени, да и проблем с ними поменьше. Порода самая что ни на есть подходящая для дальних колоний и необъятных просторов малонаселенных планет – «норвежский дог-волкодав». Вывели этого симпатичного монстра около ста пятидесяти лет назад в Тронхеймском питомнике Скандинавской Унии, но на Земле новая порода не получила популярности, поскольку зверюги слишком велики (и, как следствие, прожорливы), содержать их можно только на природе, а если собака не может работать по своему прямому назначению, она быстро хиреет и умирает от черной меланхолии.

Зато на Гермесе и в других колониальных мирах, где человек и земное животное могут существовать без скафандров и защитных куполов над поселениями, дог-волкодав стал лучшим другом людей. Таких псов немного, щенки стоят очень дорого, зато пользы от этой собаки куда больше, чем можно ожидать. Универсальный сторож и охотник, чутье лучше, чем у любого спаниеля или таксы, пес невероятно силен, у него напрочь отсутствует чувство страха. При всем этом собака, обладающая флегматичным и спокойным характером, никогда не тронет человека без приказа или необходимости. В мире, где за обжитым людьми радиусом на каждом шагу можно встретить хищных уродин наподобие пернатой Коко, новой любимицы мэтра Жерара, норвежцы необходимы – как телохранители, охотники и просто как отличные друзья. Пускай и бессловесные.

– А ну, разойтись! – рявкнул я, вытирая лицо рукавом. Язык у норвежцев до боли напоминает большое мокрое полотенце, если собачка лизнет – то от души! – Так, девочки, топайте за мной. Начинаем съемки фильма ужасов «Кормление»!

Девочки поняли, что я получил свою дозу счастья, и мирно потрусили в сторону сарайчика, игравшего роль конуры-переростка – в дом я собак не пускал, еще чего доброго мебель перевернут, чини потом, никаких сил не хватит…

Альфа, самая старшая, почтенная матрона зубастого семейства, как и положено, шествовала первой в цепочке – настоящий вожак стаи. Альфа темно-рыжая, с единственным белым пятном в виде четырехлучевой звездочки на груди. Все три ее дочурки (я, кстати, не был оригинален, поименовав щенков Бета, Гамма и Дельта) – мышасто-серые с рыжими и белыми пятнами. Папочкины гены. Супруга для Альфы я отыскал аж на противоположной стороне планеты, в русской колонии Юрга – владельцем кобеля оказался тамошний вице-губернатор, отвратительно богатый тип, два с лишним года назад прибывший на Гермес с Земли в почетную ссылку – не то за воровство, не то за подкуп. Пусть скажет спасибо, что дело кончилось только Гермесом, имперский суд мог бы задвинуть его в дыру, рядом с которой наша скромная планетка покажется сущим Эдемом.

Щенков мы поделили пополам, благо родились три сучки и три кобелька. Последние в месячном возрасте отправились в Юргу к новому хозяину, а вот девиц я оставил себе – люблю собак, да и при моей профессии лишними норвежцы никак не будут… Живем дружно: четыре громадные псины габаритами с подрастающего телка да биолог-недоучка на вольных хлебах.

– Подождать можно? – Я сурово взглянул на Дельту, зевнувшую слишком громко и настойчиво. Псина вильнула коротким хвостом и оскалилась, показав частокол белоснежных зубищ. – А вообще, милые мои, я скоро разорюсь на ваших обедах-ужинах! Пора бы нам взяться за дело…

Хвосты всей доблестной четверки радостно замели по пожухлой траве. Поняли, что скоро снова пойдем в лес или саванну. Слово «дело» они знают лучше, чем я – «пиво».

Я сбросил засов на сарайчике, нащупал в темноте маленькую треугольную рукоятку на стене слева и повернул. Собачье логово озарилось неровным светом двух газовых ламп – моя крошечная усадьба полностью газифицирована, на

электричество никакой надежды.

Остальное просто – забрать вылизанные до хирургической чистоты жестяные миски, сходить к колонке, пустить воду, сполоснуть. Трехлитровые контейнеры с собачьей едой на полке – открыть ножом, разделить поровну между всей мохнатой бандой. Консервы, между прочим, я делаю сам – хватает и настоящего мяса, и злаков с витаминными добавками. При желании такое рагу может употреблять и человек, если, конечно, чересчур проголодается.

– Пра-ашу! – Я водрузил миски на подставку. Альфа подошла первая, понюхала и начала кушать с аккуратностью британского лорда, приглашенного на званый вечер. Ни одна крошка не падает на свежую солому, которой устлан пол сарайчика. Исключительно интеллигентная собака, с иными людьми не сравнишь.

Младшие девицы помялись, чуть слышно потявкали, подождали, пока почтеннейший матриарх не закончит трапезу, и тоже приступили к таинству набивания желудков. Дисциплина в стае строжайшая: ни дать ни взять – гвардейский взвод.

С поилкой гораздо проще – во дворе, около колонки с ручным насосом стоит длинная пластиковая ванночка, которую я наполняю свежей артезианской водой каждое утро и каждый вечер. На летней жаре собаки пьют много, но сорока литров им обычно хватает надолго. Так и есть – с утра недопили почти четверть.

Я вылил воду на неопрятную клумбу, пахнущую горьким миндалем и чем-то наподобие жженого сахара. К сожалению, цветы-эндемики на Гермесе утонченными ароматами не отличаются, зато они невероятно красивы и дадут сто очков форы любой земной розе или орхидее. Потом подтолкнул поилку к колонке носком сапога и не без усилия надавил на рычаг насоса. Зажурчала невидимая в полутьме струя холодной как лед воды.

Со стороны собачьего сарайчика на землю ложились бледные линии отсвета газовых фонарей. Собаки вовсю чавкали, лишь отужинавшая Альфа улеглась возле открытой двери в величественной позе сфинкса и благосклонно посматривала на меня большими глазами с зеленоватым отливом.

– Не понял? – От неожиданности я едва не поперхнулся воздухом и машинально отпустил рычаг. – Что за чепуха?..

Двор озарился сине-голубой вспышкой – такое впечатление, что вдалеке сверкнула одинокая молния. Тем не менее никакой грозы нет и в помине, небо чистое от горизонта, до горизонта. Постойте… Небо?

Я задрал голову, забыв придержать шляпу-ковбойку старинного фасона – у нас такие в большой моде. Шляпа, ясное дело, свалилась.

По черным небесам расплывалось синее кольцо световой ударной волны. В пространство системы Вольф 360 вошел Дальний Корабль.

Что за чертовщина? Они совсем спятили? Лететь сюда в пик солнечной активности? Ребятам надо срочно пройти тесты у психиатра – на предмет патологической склонности к суициду! Ну теперь будем ждать объявления общей тревоги и очередной спасательной операции! Черт бы их побрал!

Наизусть зная все до единой точки входа-выхода в ближайшем радиусе Гермеса, я моментально определил, что неожиданный визитер явился из системы «Сириус – Альфа Большого Пса», более того, стартовал он от звезды «Сириус-II „Щенок“, то есть крошечного белого карлика, вращающегося вокруг системообразующего небесного тела. Разница небольшая, но для человека опытного вполне заметная. Так-так…

Альфа, почуяв, что я забеспокоился, привстала и недоумевающее рыкнула. Что, мол, стряслось? Дочурки мигом выстроились боевым треугольником за спиной вожака.

– А-хре-неть! – раздельно сказал я по-русски, наблюдая за разворачивающимся на расстоянии не больше половины астроединицы от Гермеса красочным спектаклем. На французском языке аналогов данной идиоме не нашлось. – Это просто маньяки! Девочки, только гляньте!

Собак небеса не интересовали. Они смотрели на меня, ожидая приказа действовать.

От точки выхода на полнеба протянулся розовый плазменный шлейф – словно кто-то черкнул по черной бумаге люминесцентным маркером. След двигателей был тройным, значит, нас почтил своим визитом крупный разведывательный рейдер или даже тяжелый военный корабль, какие в системе Вольф 360 доселе ни разу не появлялись. Господи, у них что, авария на борту? Только не это! Экипажи судов подобного класса составляют от пятисот до двух тысяч человек, садиться на планеты они не в состоянии, слишком громоздкие…

Шлейф из темно-розового начал превращаться в белый, неизвестный корабль вновь разгонялся до световой. Секунд через десять меня ослепила новая вспышка, и владелец четырех отличных псин понял, что он ничего не понимает в этом мире, равно как и в иных других мирах – этой точки входа на стократно изученной мною подробнейшей карте системы Вольф не существовало. Корабль нырнул в неизвестность. В никуда.

И как это прикажете понимать?

– Дела-а, – буркнул я, наблюдая, как рассеивается розовая полоса плазмы. – Ну, собачки, что вы об этом думаете?

Альфа недовольно гавкнула. Ей явно не понравилось, что хозяин почем зря заставил беспокоиться стаю. Она не поняла, что случилось.

Я поднял шляпу, водрузил ее на место и вновь мельком взглянул наверх. И опять раскрыл рот, да так, что туда можно было без особых трудностей засунуть теннисный мячик.

Новый шлейф оказался сине-фиолетовым, но не менее ярким. По всему выходило, что появившийся на несколько мгновений возле нашей звезды незнакомец являлся «материнским кораблем», сбросившим или беспилотную капсулу, или десантное судно с экипажем, которое включило движки спустя пяток минут после катапультирования с борта корабля-носителя. Если верить вектору движения, «фиолетовый» на форсаже шел к Гермесу.

– Идите спать! – огрызнулся я на собак, всей компанией подошедших ко мне и начавших тыкаться холодными носами в ладони и в ремень кожаных штанов. – Отцепитесь!

Псины, уяснив, что хозяин к общению не расположен, молча улеглись у ног.

Линия плазмы исчезла за горизонтом на юго-востоке, корабль скрыла наша планета, но я продолжал ждать – интересно же! И, разумеется, дождался своего.

Далеко-далеко над северо-западом, там, где я и ожидал, зажглась яркая белоснежная звезда – странный гость входил в атмосферу Гермеса. Свечение вскоре исчезло, зато стал различим серовато-белый инверсионный след на высоте не меньше двадцати километров. Сделав два круга над Новым Квебеком, гости начали снижение. Мне окончательно стало ясно, что приземлятся они в квебекском порту и я даже смогу понаблюдать за этим своими глазами.

– Пардон, дамочки, я вас ненадолго оставлю, – бросил я в адрес любимых питомцев, но псины не отреагировали – предпочли безмятежно дремать на сухой траве. Я же галопом кинулся в дом, сорвал с полки антикварный цейссовский бинокль XX века (прекрасная оптика, ничуть не уступает лучшим электронным визорам!) и ракетой взлетел по лестнице на крышу коттеджа.

Порт находится всего в четырех километрах от нашей окраины – три взлетные полосы, бетонированное поле, большую часть года пустующее по уже понятным вам причинам. Только на самом краешке стоят ангары с нашими древними монопланами, способными летать над зелеными просторами Гермеса.

Ага! Очень интересно! На диспетчерской башенке появились огни, это явно не газовая подсветка. Задействован резервный генератор, и несмотря на все проблемы с техникой и связью, врубили радиомаяк. Только я не уверен, что гости примут сигнал – помехи невероятные. Да вот, взгляните – начинает мерцать северное сияние, точнее – его здешний аналог. Если на Земле данное явление можно увидеть лишь неподалеку от полюсов, то у нас северное сияние – обычное дело в обоих полушариях планеты, от полярных областей до тропиков. А Новый Квебек находится в тысяче шестистах километрах к северу от экватора. Солнечный ветер по-прежнему очень силен.

И тем не менее… Гость с пижонским изяществом развернулся над портом, подмигивая бортовыми огнями и сияя белым глазом посадочного прожектора, аккуратнейшим образом подошел к месту посадки, выпустил четыре опоры и нежно приземлился. Будто на показательных учениях.

Корабль скрыли кроны высоких деревьев. Теперь уже ничего не рассмотришь.

– Сумасшедшие. – Я подтвердил сам для себя исходный диагноз, отложил бинокль и, сдвинув шляпу на затылок, почесал висок. – Интересная модель, никогда ничего подобного не видел.

Спустившись вниз, я зажег лампы, взял справочник по современной космической технике и вдумчиво пролистал. Ничего похожего на силуэт приземлившегося корабля в альбоме не обнаружилось. И тем не менее я отчетливо видел на киле незнакомца подсвеченный опознавательный знак: черного орла Германского Кайзеррейха на фоне черно-бело-красного флажка. Кстати, а что немцы позабыли на Гермесе?

Хватит глупых вопросов. Будем спать? Да, спать! Обо всех событиях я узнаю завтра утром – у нас новости разносятся едва ли не со скоростью света, как и во всякой глухой деревне. Пускай эта деревня выстроена на задворках цивилизации и гордо именуется «имперским протекторатом».

Я выглянул за дверь, убедился, что псины благополучно дрыхнут там, где я их и оставил (в сарае душновато, решили вкушать отдых под открытым небом). Северное сияние полыхало вовсю, полосы и кольца всех цветов радуги сменяли друг друга в бесконечном калейдоскопе. Красиво. Только приелись эти красоты до тошноты…

Сбросив одежду и наскоро умывшись, я взгромоздился на необъятный водяной матрац, укрылся пледом и тотчас выключился. Снов не было – сплошная мягкая тьма.

* * *

– Луи, поднимайся! Вставай, черт тебя подери!

Меня самым беспардонным и наглым образом били кулаком в плечо. Точнее – кулачком, поскольку принадлежал таковой Амели Ланкло. Интересно, как она вошла? Конечно же, я вечером не закрыл калитку, а собаки отлично знают, что

Амели может приходить в гости без приглашения, и воспринимают ее как члена семьи.

– Что? – вскинулся я. – Сколько на часах?

– Полдень миновал, – надменно доложила мадам Ланкло. – Ты всегда спишь по четырнадцать часов в сутки?

– Только когда работы нет, – проворчал я, с трудом пытаясь продрать глаза.

Амели сняла холщовый фартук и непринужденно уселась в плетеное кресло. На столике рядом я узрел исторгающий пар и вкусный запах кофейник.

– Я тут слегка похозяйствовала, – заявила Амели. – А именно, покормила твою ненасытную свору, выгребла из этой берлоги полторы тонны мусора и пыли, после чего приготовила завтрак. Жениться тебе пора, Луи. Двадцать пять лет – это возраст, когда положено нянчиться с детьми и всерьез заниматься хозяйством. Живешь, как… как бродяга.

– А я и есть бродяга, – недовольно буркнул я, натягивая рубашку. Амели, увидев, что я ее одеваю через голову, поскольку пуговицы не были расстегнуты, лишь фыркнула.

– Рад пожелать тебе доброго утра. И спасибо за кофе.

– У тебя чашки в доме есть? Я не нашла.

– Посмотри на веранде, на полу, в углу справа.

– Думаешь, именно там надо хранить посуду?

Иногда Амели бывает абсолютно невыносима! Ее приступы добродетельности в сочетании с бесконечными матримониальными планами по адресу моей скромной персоны однажды заставят меня бросить уютный домик в Квебеке, уйти в саванну и жить там отшельником. Амели четвертый год пытается найти мне «подругу жизни и сердца», как это называется в старинных романах, причем изыскивает или кошмарных синих чулков, на которых и взглянуть-то страшно,

или худосочных ученых девиц, которые, по ее мнению, «должны сделать из Луи человека».

Интересно, с чего это Амели сегодня вырядилась как на банкет у губернатора? Зеленое шелковое платье с нескромным вырезом, шикарные туфли, золотой браслет, серьги с изумрудами… Явно не ради того, чтобы произвести на меня впечатление.

– Твои чашки надо отмывать спиртом или бензином, – констатировала Амели, возвращаясь с веранды. – Причем несколько недель подряд. А потом – стерилизовать гамма-лучами. Ну что ж, будем пить кофе из винных бокалов. Единственная чистая посуда в доме. Непривычно, но зато пикантно. Не находишь?

– Не нахожу, – ответил я, принимая из рук гостьи стеклянный фужер, наполненный густой горячей жидкостью. – Обмен утренними любезностями завершен? Может, тогда приступим к делам? Ты ведь пришла не только ради уборки и наставлений заблудшего?

– Не только, – подтвердила Амели, отбрасывая со лба падающую на глаза челку. – Есть работа. Серьезная. Я сразу подумала о тебе. Сколько можно бездельничать, бездарно пропивая деньги моего мужа?

– Неужели я пустил по миру беднягу Жерара? Его безобразный зверинец выставлен на аукцион, а дети голодают?

– Не паясничай. Тебе надо учиться…

– И жениться, – поддакнул я.

– Пресвятая Дева, взгляни на этого ребенка! – Амели картинно возвела очи горе и развела руками. – Луи, я не устану повторять, что тебе непременно следует закончить образование, причем не на Гермесе. Надо отправляться на Землю. В Канаду, во Францию. Жерар использует свои связи, порекомендует тебя в хороший университет…

Это я слышу уже в сто первый раз. Надоело.

– А платить за обучение тоже будет Жерар? Или он намерен одарить меня щедрым грантом со своей нобелевки?

– Не намерен, – пресекла неуместное ёрничество Амели. – Ты взрослый мужчина, можешь сам заработать. Сколько денег на твоем счету в Колониальном Банке?

– Двадцать тысяч канадских долларов, долговременный вклад. Все, что осталось от отца. И я не собираюсь тратить их попусту.

– А если я тебе предложу жалованье в пятьдесят тысяч за два месяца работы? Возможна премия, то есть еще тысяч двадцать, если не больше.

– Пятидесяти тысяч на университет все равно не хватит, – вяло отбрыкнулся я. – Не ахти какая сумма.

– Не долларов, Луи. Золотой русский рубль тебя устроит? Или аналог в акциях «Внеземельной нефтяной компании»?

– Чего? – Я ахнул. – Чего-чего? Это по курсу сколько получается?

– Примерно полмиллиона. Без какой-то мелочи.

Я шепотом выругался под нос.

– Хватит и на учебу, и на безбедную жизнь. Потом, если захочешь, вернешься на Гермес. Но лучше не возвращайся – этот мир никогда не станет центром Вселенной.

– Что ж это за работа такая? – выдавил я, отказываясь верить. Заявление Амели слишком смахивало на глупый розыгрыш. – Пристукнуть премьер-министра великой державы? Украсть из Лувра «Джоконду»? Перепродать водородную бомбу отморозкам из «Нового Джихада»?

– Прекрати. – Амели поморщилась, и я понял, что она раздражена. – У тебя есть хорошая одежда? Чистая хотя бы? Нельзя идти к приличным людям в отрепьях.

– Ну… Я посмотрю.

Порывшись в шкафу, я обнаружил очень даже чистую клетчатую рубашку и совершенно новые джинсы, которые я надевал только на свадьбу Амели и Жерара семь лет назад.

– А кого ты именуешь «приличными людьми»? – поинтересовался я, облачаясь в непривычные ризы. На мой взгляд, мягкие кожаные штаны и такая же куртка значительно удобнее. – Кому жаждешь представить свое непутевое дитя?

– Окажись ты моим «дитем», то я не раздумывая отдала бы тебя в приют, – холодно сказала Амели. – И посоветовала наставникам почаще применять розги для вразумления сего беспутного отрока… Сапоги почисти, недоумок!

Спустя три минуты я предстал перед Амели в полном параде. Она смерила меня критически-недоверчивым взглядом, но кивнула снисходительно:

– Сомневаюсь, что за пределами Гермеса тебя в таком виде пустят хотя бы в портовый бордель, но для наших условий выглядит более или менее прилично. Причешись, кстати. И сунь в карман универсальный паспорт!

Мы вышли на крыльцо веранды. Псины валялись в тени, прячась солнца.

– Возьми с собой Альфу, – внезапно приказала Амели. – Будет представительнее.

– Зачем? – изумился я. – Каким «приличным людям» станет приятно, когда к ним в дом завалится похожий на фермерского сынка детина с громадной псиной под мышкой?

– Еще одно возражение, и я уйду одна, – не допускающим двойного толкования тоном муниципального судьи сказала моя покровительница. – А ты сможешь продолжить столь бесцеремонно прерванный сон. Понял?

– Понял… – буркнул я и подозвал собаку. Альфа, вывалив из пасти розовый язык-знамя, заняла привычное место у моего левого бедра. – Ошейник нужен?

– Думаю, обойдемся, – уверенно ответствовала Амели, решительно шагая к калитке с гордым видом министра только что получившего единогласный вотум доверия в парламенте. – Пошевеливайся! Опаздываем, назначено на час

пополудни!

* * *

Амели Ланкло в свои сорок шесть лет – крайне привлекательная особа. Амели справедливо оправдывает феномен неувядающей красоты здоровой природой Гермеса, собственной неуемной активностью и полнейшим нежеланием стареть. Амели всегда молода. Ей всегда восемнадцать. Она всегда канадская француженка, пускай с родиной пращуров ее разделяют триллионы километров. Я уж не говорю о твердом характере Амели, вполне достойном Отто фон Бисмарка, генерала де Голля и премьера Черчилля в одном лице – меня терзают вполне обоснованные подозрения, что Жерар смог получить свою премию только благодаря настойчивости возлюбленной супруги, не позволявшей ему забыть о казавшейся бессмысленной работе… А теперь представьте, с какими усилиями мне приходится держать оборону против бульдожьего натиска нашей «железной леди», которая не успокоится, пока не увидит несчастного Луи Аркура у алтаря церкви Нотр-Дам де Лурд рядом с какой-нибудь ученой шваброй, видевшей в своей жизни только колледж, церковь и родителей-пуритан. Мурашки по коже от такой перспективы!

Очень скоро я уяснил, что мы направляемся к Порту. Вообще-то у квебекской «звездной гавани» есть собственное наименование – «Бланьяк», но используется оно исключительно в справочниках и транспортной документации. Для нас, туземцев, Порт он и есть Порт.

Альфа, которой было разрешено гулять самостоятельно, гавкала в придорожном лесу, из спортивного интереса гоняя мелкую живность. По левую сторону грунтовой дороги выстроились в ряд чистенькие домики уважаемых буржуа, предпочитающих тишину окраины Квебека шумным и душным центральным кварталам. Цветочки-палисаднички, фонтанчики, живые изгороди, черепица на крышах. Дети на велосипедах.

Словом, идиллия. Немудрено перепутать с провинциальным уголком южной Европы. Впечатление портят только крупные и ярко окрашенные местные насекомые, которые, впрочем, не кусаются и опасности для людей не

представляют.

– Один из этих ребят – старый приятель Жерара, – неожиданно сказала Амели. – Они познакомились в Женеве, на семинаре по биологической безопасности в двести семьдесят втором году, кажется… Беньямин утром нанес визит и попросил помочь. Пришлось сразу отправляться за тобой.

– Б-р-р, – я помотал головой, ничего не поняв. – Амели, ты можешь выражаться яснее? Кто такой Беньямин, в чем конкретно он просил помощи и при чем тут мы с Альфой?

Собака вынырнула из кустов, вопросительно посмотрела на меня и снова исчезла.

– Тебе все объяснят. Главное следи за языком, не сморкайся в салфетки и не налегай на вино. Иначе плакали твои денежки. И твое образование.

– Ты меня прямо за вандала какого-то держишь!

– Я лишь руководствуюсь жизненным опытом. Скажешь, прежде ничего подобного ты себе не позволял?

– Не позволял.

– Сомневаюсь. Пришли, кстати. Надеюсь, личную карточку ты не забыл?

Амели извлекла из сумочки сияющий голограммой квадратик с идентификационными данными владельца – универсальный паспорт.

Перед нами поднималось обшарпанное серо-белое здание администрации Бланьяка с диспетчерской башенкой и ненужной чашей ретранслятора дальней связи. Левее тянулись бесконечные складские ангары и зернохранилища – урожай свозили сюда, чтобы как можно быстрее загрузить на транспортные корабли во время их кратких визитов. На летном поле тарахтел, разогревая двигатели, двухвинтовой грузопассажирский аэроплан, аналог древнего «Дугласа С-47 „Дакота“. Ежедневный рейс на Труа-Ривьер.

Я свистнул Альфу, и мы проникли внутрь через боковую дверь с грозной надписью «Вход запрещен! Только для персонала!». Предстали перед охранником в образе унылого и располневшего сержанта в кителе королевской конной полиции – о, анахронизм!

– Почему собака без ошейника, регистрационного жетона и наморднику? – скучным голосом осведомился толстяк, проверив наши карточки и моментально выключив сканер.

– Мсье, нас ждут. – Амели одарила сержанта самой обворожительной улыбкой из своего убойного арсенала. – Есть распоряжение командора Дюваля – меня и моих спутников следует пропустить беспрепятственно. Вас разве не уведомили?

– Идите, – вздохнул гиппопотам в красно-синей форме и снова уткнулся в потрепанный журнал трехмесячной давности. Жалко его. Охранять Порт – самая бессмысленная служба на Гермесе.

Едва мы прошли через турникет и вновь очутились под льющимся с небес водопадом солнечного света, как я споткнулся и едва не грохнулся на разогретый бетон.

– Под ноги смотри, увалень! – механически сказала Амели, обернувшись. – Да что с тобой, Луи?!

Ночной визитер стоял в тридцати шагах от нас. Я бы потерял дар речи еще десять минут назад, но корабль скрывало здание.

– Бесспорно, впечатляет, – согласилась Амели, проследив за моим взглядом. – Впрочем, я не разбираюсь в технике. Хватит глазеть!

Корабль ничуть не напоминал атмосферный катер и уж тем более спасательную капсулу. Если судить по размерам и форме корпуса он должен принадлежать к классу «малых дальних рейдеров», а двигательные установки недвусмысленно свидетельствовали, что корабль способен преодолевать световой барьер и перемещаться по Лабиринту. Добавим сюда вызывающее невольное почтение вооружение – видны только плазменные орудия в консолях, но я уверен, что за створками люков на фюзеляже скрывается нечто не менее грозное, разрушительное и могучее.

Нет сомнений: это судно двойного назначения, или малый военный рейдер самой последней разработки. Мой справочник не врал – кораблей подобного образца доселе не производили. Корпус напоминает огромную сплюснутую пулю. Трапециевидные и загнутые книзу крылья-стабилизаторы для полетов в атмосфере, в кормовой части четыре киля, расходящиеся от корпуса под углом градусов в сорок – два вверх, два вниз. Окраска черная, с широкими серебряными полосами на носу и по кромке крыльев. Наверху синеют обзорные окна кабины пилотов.

С символами государственной принадлежности я ночью почти не ошибся – корабль приписан к флоту Германской Империи. Более того, судя по золотой короне и скрещенным клинкам под государственным гербом, рейдер входит в подразделение Императорского Лейбштандарта, элитного полка, обслуживающего правительство и Двор. На носовом обтекателе серебряными готическими буквами выведено: «Kaiser Franz-Josef» – «Император Франц-Иосиф». Точно, был такой, только правил не Германией, а Австрией еще в XX веке или даже раньше – не помню точно.

Вот так гостюшки. Хороши дружки у Жерара Ланкло – летают на правительственных кораблях Кайзеррейха, плюют свысока на неприятные особенности нашей звездной системы, благодаря которым замечательный «Франц-Иосиф» моментом может превратиться из шедевра современной техники в груду металлолома, а ко всему этому еще и готовы заплатить кучу денег за услуги обленившегося охотника-любителя, знаменитого только тем, что полтора года назад он умудрился схлопотать от либеральнейшего правосудия Нового Квебека тридцать дней тюрьмы за драку с поножовщиной в «Золотой Арфе». Да и какая это, к дьяволу, поножовщина – так, кожу оцарапал, поставив на место обнаглевшего пьянчугу…

Амели подтолкнула меня локтем, и мы направились к гостеприимно опущенному трапу по левому борту «Франца». Поднялись, прошли через шлюз. Альфа заметно обеспокоилась, когда на несколько мгновений мы очутились в наглухо запертой камере, где вдобавок нас незаметно ощупал красный луч сканера. Меры безопасности, извольте видеть. После чего мы вывалились в коридор.

Неброская роскошь. Стены облицованы настоящими деревянными панелями, на полу бежевое ковровое покрытие, мягкий свет скрытых плафонами люминесцентных ламп. На улице полуденная жара, а здесь прохладно –

искусственный климат. Картины, украшающие коридор, не голографические, а рисованные – акварель. Пейзажи, старинные морские корабли, земные животные.

– Ну и где встречающие? – осведомился я, потрепав насторожившуюся Альфу за шею. Амели собралась было ответить, но тут пред наши очи явился один из обитателей «Франца-Иосифа», заставивший меня приоткрыть рот, а собаку заворчать.

– Добрый день! – весело сказал появившийся из-за угла невысокий господин в очках, сразу бросившись пожимать мне руку. – Амели, дорогая, позволь поцеловать еще раз! Ах, какая замечательная собачка! Как тебя зовут? Дашь лапу?

Он нагнулся и протянул руку. Собачка лапу давать категорически отказалась, попятилась и заворчала еще более угрожающе.

– Альфа, тихо! – прикрикнул я. – Добрый день, мсье. Мадам Ланкло сообщила, что вы хотите… гм… меня видеть.

– Луи, я правильно догадался? – Приятель Амели взглянул на меня поверх очков. – Луи Аркур? Вы говорите только на французском или по-русски тоже?

– Конечно, – ответил я. – Второй родной язык. Мои бабушка и дедушка по матери – русские. Из Юргинской колонии. Английский я знаю гораздо хуже, а немецким вообще не владею. Если это для вас важно…

– Вот и замечательно! – воскликнул очкарик. Он вообще вел себя слишком преувеличенно. – Добро пожаловать в наше скромное обиталище! Могу предложить отличное вино, такого на Гермесе нет!

Амели взглянула на меня и исподтишка показала кулак. Я только плечами пожал.

Ведомые невысоким господином, мы направились по коридору в сторону носовой части корабля и вскоре очутились в салоне, по моим расчетам находившемся под пилотской кабиной, – наверх вела винтовая лесенка. Пышные диваны,

обязательная живопись, редкие комнатные цветы, бар. Вся техника, включая автоповар, навороченную развлекательную систему и панель мультисвязи, заключена в шикарные корпуса, за создание которых некий неизвестный дизайнер наверняка отхватил немалую сумму.

Эдакий летающий дворец. Так и должны жить императоры и президенты. Удобно, эргономично, красиво. И невероятно дорого.

Я вопросительно посмотрел на Амели, но та лишь изобразила на лице чарующую улыбку с угрожающим оттенком – мол, ничему не удивляйся, молчи и слушай! Тебе все объяснят. Вернее, не все, а только то, что положено знать.

Тем не менее я имел все поводы недоумевать. Во-первых, на «Франце-Иосифе» великолепно работает техника – вон, гляньте, по монитору Планковой связи бегут ровные голубые строчки, ясно свидетельствующие, что корабль поддерживает прямой контакт с одним из центров Транспортного Контроля в Солнечной системе. Единственно, я не смог опознать код, вероятно, это закрытая военная структура.

Во-вторых, вопросы вызвали как внешность нашего хозяина, так и тот факт, что, кроме него, на корабле я не увидел ни единого другого человека. «Старинный друг» Жерара по виду недавно миновал сорокалетний рубеж. Волосы длинные, увязаны в хвостик на затылке, на лбу залысины. Пользуется очками, что в наши времена является анахронизмом почище красных кителей королевской конной полиции и столь распространенных на Гермесе велосипедов – всегда можно сделать корректирующую зрение операцию, занимающую несколько минут. Побрит плохо, а об одежде я вообще не говорю – зачем, позвольте узнать, Амели заставила меня вырядиться ровно на церковный праздник? Я ожидал, что на «Франце-Иосифе» нас встретят величественные джентльмены в смокингах и при белоснежных манишках, и горько разочаровался: очкарик был облачен в исключительно заношенные штаны от технического комбинезона с отвисшими коленками и черную футболку с буквами «ВКК» – аббревиатурой русского Космического Корпуса. На боку дырка – словно зацепился за острый угол. Ходит босиком.

– Вы уж извините, что я одет по-семейному, – словно заметив мой взгляд, затарахтел радушный хозяин, грохоча бутылками в баре. – Так гораздо удобнее, я не терплю официальную сбрую. Луи, собачка будет кушать печенье?

– Э… Не знаю, – честно ответил я. Альфа не приучена к роскошествам в пище и печенья сроду не пробовала. – Но можно рискнуть.

– Прекрасно! – Русский развернулся на пятке и выставил на столик бутылку «Розе д’Анжу» 2267 года и три бокала. Потом извлек из шкафчика пышную коробку с конфетами, каких у нас на Гермесе не видывали с первых лет колонизации. – Садитесь же!

Расселись. Альфа спокойно устроилась у моих ног, искоса поглядывая на забавного господина, суетившегося со штопором и неподатливой пробкой. Амели обрела вид каменного спокойствия, я же чувствовал себя скованно.

Наконец анжуйский нектар уместился в бокалы, хозяин плюхнулся в кресло напротив и уставился на меня умными черными глазами.

– Я же не представился, тысяча извинений… С Амели мы знакомы много лет, я как-то упустил из виду… Гильгоф. Вениамин Борисович Гильгоф. Для вас – Веня. Доктор биологии. Не побоюсь этого слова – ксенобиологии. Специализация – альтернативные формы жизни. Луи, вам знакомо это понятие?

– В какой-то мере, – ответил я. – Имеются в виду существа, чья жизнь основана не на углероде, а, например, на кремнии?

– Совершенно верно! – бурно восхитился Гильгоф. – Я работаю на Императорский Санкт-Петербургский университет и Ксенологическое общество Германского Кайзеррейха. Обе организации проводят совместные обширные изыскания в данной области на малоисследованных планетах, выделены средства… Большие средства. Вы должны понимать, сколь серьезный прорыв в сфере биотехнологий может произойти в случае успеха. Новые лекарства, возможность создания синтетических организмов пятого поколения… Ай, да о чем рассуждать!

– Минутку, – прервал я излияния доктора. – На Гермесе нет и не было существ альтернативного происхождения. Это могут подтвердить Амели и ее муж. Вы же знаете, что Жерар Ланкло – ведущий специалист по животному миру нашей планеты. Или вы располагаете другими сведениями?

– Располагаю, – размашисто кивнул Гильгоф. – Впрочем, подробности можно обсудить позже. После вашего принципиального согласия.

– Согласия – на что?

– Милейшая мадам Ланкло, – доктор любезно кивнул в сторону моей покровительницы, – порекомендовала вас, как человека, лучше других знакомого с географией и особенностями этого континента. Вы ведь охотник? И исследователь? Верно? Помогаете Жерару ловить редких животных для лаборатории?

– Не преувеличивайте, – я покачал головой и бросил недовольный взгляд на Амели, восседавшую рядом с самым невинным выражением на лице. – Я действительно неплохо знаю окрестности Квебека и некоторых других поселений на материке. Вопрос в том, куда именно вы хотите попасть.

– Подробной карты Гермеса не существует, правильно? Только спутниковые и авиационные фотографии, сделанные в редкие моменты снижения солнечной активности? Вы помните атлас планеты?

Гильгоф вскочил и подозвал меня к здоровенному плазменному монитору. Запустил систему, отыскал нужный файл, и я увидел относительно точную карту материка двенадцатилетней давности. Откомментировал:

– Но вы должны сами отлично понимать, что снимки с орбитальных зондов далеко не всегда отражают реальное положение дел. Русла рек могут меняться, вызванные грозами пожары способны вымести за неделю тысячи гектаров леса, тектонические подвижки образуют новый рельеф… Гермес – планета молодая, она меняется на глазах, ежегодно и ежечасно.

– Примерно здесь, – доктор, явно меня не слушая, ткнул пальцем в район лесостепей, раскинувшихся к северо-востоку от Квебека. Немногим меньше двух тысяч километров от города… Ничего себе! – Проведете?

– Никогда там не бывал, – отрекся я. – Если быть совсем точным, эта область вообще не исследована. Никем. За всю историю освоения.

– А почему? – с детской непосредственностью изумился Гильгоф.

– Есть разница между шестьюстами тысячами населения и двадцатью миллиардами? – съехидничал я, намекая на численность обитателей Метрополии. – Поверьте, у нас еще все впереди.

– Так проведете? – продолжал настаивать русский. – Все расходы мы берем на себя, оборудование полностью соответствует особенностям планеты, вся экспедиция – три человека, плюс вы, как проводник и экскурсовод. Аванс я готов выплатить немедленно.

– Не понимаю одного, – хмуро сказал я, вернувшись в обжитое кресло и реквизировав со стола свой винный бокал. – Почему вы, располагая этим прекрасным кораблем не десантировались в интересующей точке, не провели исследования и столь же комфортно не улетели обратно? Где логика? Охота тащиться пешком или трястись в седле?

– «Франц-Иосиф» вернется в Солнечную систему спустя пять часов. – В голосе странного доктора появились недовольные нотки. Я что, наступил ему на любимую мозоль? – Вы правы, Луи, этот корабль отлично защищен и способен без особых затруднений функционировать даже в районе Вольфа 360, но поверьте, на Земле он сейчас нужнее… В конце концов мы можем арендовать в Кебеке транспортный самолет.

– Уже лучше, – согласился я. – Только не каждый пилот согласится на рискованную посадку в саванне. Все зависит от финансирования и щедрости работодателя.

– Итак, Луи? – подала голос мадам Ланкло, и в этих двух коротких словах я уловил нешуточную угрозу. Если откажусь – она меня сотрет в порошок и откажет от дома. Что ж, в этом случае я смогу избежать безвременной гибели, изящно замаскированной под женитьбу на одной из выбранных Амели девиц. – По-моему, мсье Гильгоф недвусмысленно высказал свою просьбу.

Очень быстро взвесив все «за» и «против», я сделал выбор в пользу «за». Путей к отступлению мне не оставили.

– Уговорили. Условий три. Предоставьте список снаряжения, которое собираетесь взять с собой. Я его пересмотрю и дополню. Второе: по всем вопросам, касающимся нашей общей безопасности, вам придется безоговорочно

слушаться меня и выполнять все приказы. Вы впервые на Гермесе, доктор? Так я и думал. Будьте уверены, здесь можно нарваться на крайне серьезные неприятности, планета не столь гостеприимна, как покажется на первый взгляд. И третье: платить вовремя и по-честному.

– Никаких возражений, – кивнул Гильгоф, вытащил из кармана черно-желтую пластиковую карту-чип и торжественно вручил мне. – Колониальный банк переведет на ваш счет двадцать пять тысяч рублей в золотом эквиваленте. Это аванс, ровно половина исходной суммы… О, здравствуй, Коленька! Познакомься, это – Луи.

В салоне появилось новое действующее лицо, вынырнувшее из правого коридора «Франца-Иосифа». Полная противоположность худенькому и невзрачному Гильгофу. Поименованный «Коленькой» молодой человек тоже был не слишком высок ростом, зато этот недостаток отлично компенсировался великолепной спортивной фигурой и широкими плечами, ярко-голубыми глазами и лучезарной искренней улыбкой, которая, по-моему, ввела в замешательство даже Амели, по-прежнему корчившую из себя «железную леди». Светло-русые коротко остриженные волосы, стильная небритость – наметки соломенных усов и бороды. Физиономия широкая и на редкость доброжелательная. Редко встретишь людей с настолько открытым лицом. Океан обаяния! Небось тот еще сердцеед!

– Крылов. Николай, – отрывисто сказал новый знакомец, сильно пожимая мне руку. – Русский язык понимаешь?

– Конечно, – я улыбнулся в ответ. – Кажется, я теперь работаю с вами.

– Кажется! – шутливо передразнил Гильгоф. – Получил четверть миллиона канадских долларов и ему доселе «кажется»! Николай, как насчет нескольких глотков вина?

– Вениамин Борисыч, сколько можно повторять! Я вообще не пью, – нахмурился Крылов. – Достаньте сок из холодильника… Да, апельсиновый. Спасибо.

Познакомились. Мсье Крылов, поддернув идеально отглаженные белые брюки «колониального» фасона, уселся рядом с Амели и начал молча потреблять насквозь безалкогольный сок. Альфа, изменница, по одной ей известным соображениям незаметно переместилась к ногам Крылова, обнюхала дорогие

кроссовки и вновь задремала.

Гильгоф, поддерживая светскую беседу, безостановочно болтал, проявляя если не безупречные познания в живом мире Гермеса, то по меньшей мере отличное владение материалами, изложенными в академическом труде Жерара Ланкло. Слушать было приятно – при всей своей внешней безалаберности доктор производил впечатление человека увлеченного и благоразумного.

– …Ну что ж. – Амели, взглянув на крошечные механические часики на левом запястье, поднялась. – Беньямин, я сожалею, но у меня еще множество дел. Полагаю, свою миссию я выполнила. Луи теперь принадлежит вам со всеми потрохами.

Последовал обдающий морозом взгляд в мою сторону. Я сделал вид, будто ничего не заметил.

– Ужасно жаль. – Гильгофа словно пружинкой с кресла подбросило. – Впрочем, я в ближайшие часы тоже буду занят! Николай, сейчас от тебя все одно никакой пользы, прогуляйся с Луи по городу. Луи, вы ведь окажете любезность? Покажете нашему общему другу Квебек? Коленька впервые прилетел на планету за пределами Солнечной системы, для жителей Метрополии это настоящее приключение!

– Вполне, – согласился я. – Буду рад.

– Только не зови мсье Крылова к себе домой, – язвительно сказала Амели по-французски. – И не забудь зайти в банк, отдать карточку!

Мы покинули прохладное чрево «Франца-Иосифа» через прежний шлюз. Жара навалилась огромной пуховой подушкой.

– Вечером найдешь меня в колледже, – сержантским тоном приказала Амели. – Мы с Жераром поможем вам с господином Гильгофом подобрать самое дешевое и качественное снаряжение. Я сегодня же загляну в офис «Агентства обеспечения дальних колоний», они получили пополнение на склады после апрельского рейса с Земли. Пока-пока!

Прелестная мадам Ланкло взмахнула точеной ладошкой и направилась к центру Квебека.

Я, немного смущаясь, взглянул на Николая.

– Надо отвести собаку домой. Тут недалеко, полчаса быстрым шагом. А потом пойдем гулять. Согласен?

– Конечно, – уверенно кивнул русский и снова лучезарно улыбнулся. Это настоящая улыбка, не казенная, не вежливо-обязательная, будто у клерка в муниципальном управлении или у вежливого полисмена. Похоже, человек радуется всему, что видит. Не самое распространенное качество. – И вообще… Сегодня ведь двадцать шестое мая по земному стандарту? Правильно?

– Ну, – согласился я.

– Мой день рождения. Считай, юбилей – четвертак. Понимаешь? Двадцать пять лет. Я здесь ничего не знаю. Чужой мир. Устроишь мне праздник? Настоящий? Деньги у меня есть. Много.

– И у меня много, – хохотнул я, хлопнув Николая по плечу. – Двинулись! Заодно расскажешь, кто ты, откуда и что делаешь в нашем медвежьем углу! И потом, почему вы, русские, прилетели на немецком корабле?

– Таких кораблей, как «Франц-Иосиф», всего четыре, но у Гильгофа есть серьезные знакомства в управлении флота. Он вообще не человек, а сплошная романтическая загадка. Это было первое. Великогерманский Кайзеррейх и Российская Империя подписали в прошлом марте договор о стратегическом союзе, с возможным слиянием в единое государство в перспективе. Это второе. Вы что, еще не знаете?

– Транспорты с Земли приходили слишком давно, новости у нас на вес золота, – оторопело выдавил я. – Давай на «ты»? Согласен?

– А как же! Предпочитаю «Коля» или «Русланыч» – по отчеству. Николай Русланович. Понимаешь?

– Что ты заладил – «понимаешь, понимаешь»! Я на русском говорю получше тебя! Будешь задирать нос перед невежественным аборигеном – врежу!

– А давай попробуем? – с невозможной непосредственностью спросил Крылов и мигом сбросил рубашку. Через голову, не расстегивая пуговиц. – Классический английский бокс? Тайский? Французский, savate, chausson?

– Savate, – мигом согласился я. – Только не на дороге. Полиция тут бывает раз в год, но рисковать все равно не будем. Отойдем на полянку?

Мы забрались в лесок. Альфа, понимая, что ничего страшного не случится, с присущей крупным собакам невозмутимостью залегла в тень – исполнять роль компетентного судьи.

– В нежные места и в голову не бьем, друг друга не калечим, – известил меня о правилах игры Николай. – Просто за ради поразмяться и для собственного удовольствия. Как, идет?

– Идет! – полностью согласился я. – Считаю до десяти! Восемь, девять, десять! Алле!

Ббум!! Я не увидел его движения. Вообще.

Альфа осталась сидеть в тенечке, тварь эдакая…

Очнулся я оттого, что мне на лицо лилась струйка минеральной воды из бутылки. Рядом валялся открытый рюкзачок мсье Крылова. Надо мной на корточках сидел Русланыч в своих невозможно белых брюках и опять улыбался.

– Живой? Извини. Я не думал…

– Вот и не думай, – прохрипел я, пытаясь сесть. Грудь болела безмерно. Не иначе ребро сломал. Хотя нет, просто сильный ушиб. – Слушай, кто ты на самом деле, а? Наверное, просто отъявленный садист и серийный убийца…

– Да ничего подобного, – вздернул брови Крылов. – Сам виноват. Нельзя недооценивать противника и отвлекаться, а ты по счету «десять» отвлекся на

собаку – посмотреть, как она среагирует. И получил свое. А на самом деле я обычный ботаник. Вроде Вени Гильгофа. Даже кандидат наук, будешь смеяться. Зимой кандидатский диссер защитил. Веришь?

– Верю, – протянул я.

– Тогда вставай. Собачку до дома доведем. – Он протянул мне руку. – Красивая псина. Очень.

– Согласен. Не думал, что во французском боксе меня уделают, одним движением! С детства занимаюсь… Обещаю коктейль в «Золотой Арфе»…

– Условие: никакого алкоголя. Пошли?

И мы пошли. Альфа топала позади, и меня жег ее насмешливый взгляд в спину.

«Центральная базовая станция Космического Корпуса и Флота Российской империи „Кронштадт-II БСФ-012“.

Командный пункт и техническая база внеземельного флота Российской империи, созданная на основе астероида 2153-DH. Класс – «искусственная планета». Общее измещение 69 миллиардов тонн, освоенное пространство не более 93 миллионов тонн. 116 двигателей маневра, 8 маршевых двигателей.

Штатный экипаж – 14900 человек. Четыре верфи предназначенные для производства средних и тяжелых кораблей двойного назначения. Склады, топливные танки, ангары технического обслуживания дальних судов, научный блок, правительственные системы управления. Стратегический и тактический командный центр Министерства Обороны Российской Империи, официальная резиденция Его величества Императора Всероссийского в Ближнем Космосе (Солнечная система).

Постоянная дислокация – орбита Земли. Ходовые испытания 2276 года доказали, что «Кронштадт-II» способен преодолевать в Лабиринте расстояния до 12 световых лет. Система обороны классифицируется по уровню «А-00»

(нештурмуемая). Вооружение: две орбитальные лучевые установки, радиус поражения 19Х19 километров; термоядерные и плазменные заряды на различных носителях, тактические пушки, ракетное вооружение и пр.

На астероиде «Кронштадт-II» базируются четыре полка истребительно-бомбардировочных кораблей класса «космос-планета-космос», способных нести ядерное оружие.

На 2280 год российская орбитальная станция «Кронштадт-II БСФ-012» считается наиболее мощной и боеспособной в Солнечной системе и Колониях».

Общеобразовательный справочник «Человеческая Цивилизация», издание «Аллен amp; Анвин», Лондон, Великобритания, 2280 год.

Глава вторая

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Станция «Кронштадт-II»

21-22 февраля 2282 года по РХ

Кортеж оставил позади центр столицы, направился на север через Каменноостровский проспект и эстакады внутреннего радиуса городских скоростных трасс, вышел на первую кольцевую магистраль, повернув направо, в сторону Ржевского аэропорта, обслуживающего чартеры правительства. Два шикарных министерских лимузина и машины сопровождения выехали на залитое светом прожекторов летное поле, остановившись возле серебристого челнока с государственным гербом и надписью «Российская Империя» на фюзеляже.

– Пристегнитесь, к чему эта бравада? – сказал мне адмирал, усаживаясь рядом, в широкое кресло, обитое синим бархатом, и щелкая пряжкой ремня. – Такое прозвучит возмутительно несовременно, но я терпеть не могу летать. Предпочитаю твердую землю под ногами.

– А мне наоборот, нравится, – ответил я. – Ничего, скоро все налетаемся до тошноты, привыкнете…

Бибирев взглянул на меня неодобрительно, но промолчал. Знал, что я совершенно прав.

Беззвучно запечаталась герметичная дверь, челнок медленно пополз к полосе. Кроме экипажа и его высокопревосходительства с верным оруженосцем в моем лице на борту находились еще три человека: личный секретарь Бибирева, офицер фельдъегерской службы и вице-канцлер по делам колоний, мадам Назарова – крупная дама в годах, за сквернейший нрав и далеко не самую пленительную внешность получившая в определенных кругах прозвище «Ротвейлер». Впрочем, ее личные недостатки целиком искупали фантастическая работоспособность и редкий профессионализм. Вот и сейчас она затопила своей обширной кормой кресло в хвосте корабля, извлекла из кейса портативный компьютер с системой искусственного разума и молча занялась делами.

Челнок остановился, приглушенно взвыли движки. Мы внезапно сорвались с места и через несколько секунд легкая тряска исчезла, заместившись едва заметным покачиванием. Самое длинное путешествие в моей жизни началось.

– Как чувствуете себя в новом статусе? – поинтересовался адмирал, кивнув на мои погоны, с которых исчезли четыре капитанских звездочки. – Боязно ощущать себя настолько важной особой?

– Ничуть, – я пожал плечами. – Одного не понимаю: почему вы выбрали именно меня? В управлении безопасности и ГРУ нет недостатка в более опытных и знающих людях.

– Неужели комплексуете? Зная ваш характер, позвольте не поверить. А причина проста: у вас очень легкая рука, Сергей. Вы невероятно везучи. За последние годы вы исхитрялись живым и относительно здоровым выбираться из историй, за которые награды обычно дают посмертно. Гремучая смесь разумной наглости,

нестандартной логики и грубой силы во все времена ценилась как опасное и ценное оружие… На вашей совести ни одного серьезного провала.

– А как же Аргентина? – припомнил я.

– Оставьте, сами отлично знаете, что причины фиаско в недоработке со стороны группы технического обеспечения и дурного стечения обстоятельств. В нашем ремесле никогда нельзя быть уверенным в успехе на сто процентов… Зато вам удалось самым нахальным образом захватить и угнать мятежный американский крейсер – история с «Патной» стала легендой нашего скромного учреждения.

– Это тоже стечение обстоятельств. Не окажись мы в нужное время в нужном месте… Чистый экспромт.

– Не прибедняйтесь хотя бы передо мной. А как насчет не менее блестящего экспромта на Сцилле и Геоне два года тому?

– Идея «поиграть в космических пиратов» принадлежала Гильгофу. И если бы не помощь со стороны вашего теневого визави, Удава Каа, ничего бы не получилось. Кстати, как поживает Удав?

– Живехонек, что с ним станется… Убежден: его стоит привлечь к работе, ситуация-то паршивая. Такие силы мы не можем игнорировать.

– Не можем, – согласился я. В этот момент раздался хлопок и маленький кораблик чуть вздрогнул – мы пересекли звуковой барьер и начали забираться в стратосферу.

…Адмирал говорил об одном из самых загадочных людей нашего времени. Я не знал его имени, считающемся государственной тайной, и привычно называл этого господина «Удавом Каа», как его метко окрестила одна наша старая знакомая, участвовавшая в самоубийственной авантюре с «Патной» и последующем путешествии на Сциллу.

Мне стало известно об Удаве в марте 2280 года, когда Бибирев лично проводил «разбор полетов» после истории на Геоне. Лучше дам слово его высокопревосходительству и процитирую его же слова:

«Удав – сила, стоящая вне государства, но не враждующая с ним. Если называть вещи своими именами, этот господин – преступник. Ему за шестьдесят лет, наш соотечественник, богаче Билла Гейтса Восьмого раз в восемь. Мафиози высочайшего полета. Бывший руководитель сети торговцев оружием и наркотиками, охватившей все континенты мира. Колоссальные связи – большинство коррумпированных правителей разных стран попали к нему в зависимость. Одни только проценты с его вкладов в независимые банки Швейцарии и Бельгии в полтора раза превышают годовой бюджет нашей Конторы. На старости лет он решил стать патриотом и отойти от дел. Он очень интересуется наукой, поддерживает самые невероятные авантюры не ради прибыли, а ради удовлетворения собственных амбиций, меценатствует… Кстати, одна из целей проведенной вами операции состояла в том, чтобы заставить его хоть ненадолго всплыть на поверхность. Мы вынужденно работаем вместе с Удавом, но по закону обязаны его поймать. Хотя не особо стремимся к последнему. Это очень полезный человек, однако если он станет нашим врагом – грозят серьезные неприятности. Пока он более чем лоялен к имперским властям. Учтите, что лет десять назад именно он продавал ядерное оружие „Новому Джихаду“. Теперь, правда, раскаивается…»

Разумеется, Удава не поймали. Конечно же, на некоторые его аферы Управление Имперской Безопасности закрывало глаза и в последующие годы. В конце концов, Удав не настолько вредоносен, как полагают Министерство юстиции и генеральный прокурор. Да и в свете нынешних обстоятельств нам такой союзник будет совершенно необходим, особенно если учитывать его колоссальное богатство, влияние и обширные знакомства в малодоступных даже для нашего ведомства сферах. Грядущая катастрофа смоет все прежние грехи.

Меня прижало к спинке кресла – включились двигатели второй ступени. Ощущения не из приятных, хотя система искусственной гравитации снижает перегрузки. За овальным иллюминатором появились бело-оранжевые сполохи – корабль покидал земную атмосферу.

Спустя сорок минут челнок подошел к одному из причалов нашей базовой станции, миновал силовой щит и мы оказались под защитой громадного астероида, превращенного человеком в искусственную планету.

– Отдыхаем до восьми утра, – распорядился адмирал. – Потом – за работу, собираемся в оперативно-тактическом центре. Вас оповестят, господин штаб-офицер…

* * *

Бибирев не ошибся: с позавчерашнего дня я ношу звание штаб-офицера Флота Его Величества. Звание особое и необыкновенно редкое – оно присваивается временно, только при исключительных обстоятельствах. Штаб-офицером может стать кто угодно, от младшего лейтенанта до генерал-полковника, если высшее руководство посчитало, что данный конкретный человек должен быть наделен чрезвычайными полномочиями как в военной, так и гражданской сферах. Знаки различия тоже разнятся с общепринятыми – на левом рукаве золотой шеврон с эмблемой Министерства обороны и императорской короной, погоны черные с желтым шнуром, маленьким имперским орлом и серебряной четырехугольной звездой. В петлицах – меч, окруженный лавровым венком. Смотрится неплохо, мне понравилось.

Штаб-офицер является непосредственным представителем Ставки, владеет фактическим le carte blance на проведение операций на уровне от взвода до дивизии, ему обязаны подчиняться статские руководители любых рангов, включая имперских губернаторов. В последний раз это звание вводилось двадцать четыре года назад, с началом Азиатской войны. И вот второго дня на мою голову с грохотом обрушился высочайший рескрипт о назначении, подписанный Императором, адмиралом Бибиревым и генерал-фельдмаршалом Слепцовым, возглавляющим военное ведомство…

Это власть. Настоящая. Теперь за моей спиной – вся мощь Империи. Но толку от этой власти – чуть, поскольку впереди полная неизвестность, мрак и туман. Нахт унд небель, как выражаются наши тевтонские союзники. Никто не может сказать, сможем ли мы дожить до грядущего Рождества, я уж не говорю о всех последующих.

В каюту меня проводил здоровенный старшина ВКК – судя по каменной роже и ледяному взгляду сей доблестный воитель носит форму Корпуса только как камуфляж, а на деле он принадлежит к молчаливой когорте бибиревских церберов: меры безопасности в правительственном блоке «Кронштадта» введены наистрожайшие, большинство персонала в последние дни заменили, все ближайшие причалы для обычных кораблей закрыты, на «Кронштадт»

перебазировался особый отряд лейб-гвардии «Бородино» – подразделение личной охраны Императора. Очень серьезные и великолепно оснащенные ребятки, настоящие упыри, способные при надобности за полчаса превратить в дымящиеся руины любой мегаполис.

Сержант вручил мне ключ-карточку, откозырял и исчез. Свет в каюте зажегся автоматически.

– Доброй ночи. – Незнакомый голос заставил меня нахмуриться. Говорила женщина. – Сейчас два часа семь минут пополуночи. Вы голодны?

– От ужина не откажусь, – сказал я, кидая фуражку на пышный диван и ослабляя воротник на рубашке. Сообразил, что со мной общается искусственный разум, надзирающий за жилыми помещениями блока. – Как тебя зовут?

– Мириам. Рада приветствовать вас, господин Казаков, на борту «Кронштадта».

– Давай без официальщины, можно обращаться по имени.

– Принято. Открыть обзорное окно? Мы сейчас находимся над восточным побережьем Австралии.

– Валяй…

Внешний щит, закрывавший немаленькое окошечко высотой в мой рост, пополз в сторону, открывая вид на Тихий океан и зелено-золотистую окраину материка. Погода внизу отличная – заметны лишь редкие перистые облака. Самое время покупаться на Большом Барьерном рифе, в южном полушарии сейчас лето…

– Что закажете на ужин? – продолжала ненавязчиво журчать невидимая Мириам, пока я искал в шкафу плечики, чтобы повесить рубашку и китель. Грозное начальство отсутствует, посему в своем собственном, пусть и временном, доме вполне можно находиться только в майке-тельняшке и форменных брюках. – Если желаете посмотреть программы европейских голографических каналов…

– Не желаю. На ужин – лосось, овощи и картофельное пюре, белое вино.

– Принято. Автоповар задействован. Еще что-нибудь?

– Нет, благодарю. Понадобишься – позову.

– Желаю приятного отдыха, Сергей.

– Спасибо.

Брякнул тихий гонг, и Мириам отключилась. Впрочем, я отлично знаю, что проклятущая псевдоразумная игрушка следит за каждым моим движением – это тоже входит в комплекс мер безопасности, мало ли подавлюсь орешками или случайно порежусь?

Банальным словом «каюта» отведенный мне апартамент и назвать-то стыдно. Все как в лучших отелях с пятью звездами – гостиная, спальня с кроватью, на которой (если класть поперек) уместится целый взвод, кухня с обязательным автоповаром, сейчас вовсю мерцающим многоцветными индикаторами. Вместо простого душа – аж настоящее джакузи. Им что, воды не жалко? Охота таскать миллионы литров с Земли на транспортах-цистернах… Скромнее надо быть.

Обследовав каюту, я совсем было собрался отправиться в кухню – автоповар призывно пищал, утверждая, что ужин готов. Подозреваю, что здесь рециркулированной гадостью не кормят, все-таки внеземельная резиденция Его величества.

Послышался нежный звонок, и Мириам вновь ожила:

– К вам господин Бибирев. Разблокировать замок?

– Конечно!

Все правильно, на пороге каюты возвышался седовласый адмирал. Тоже выглядит приватным манером – пышный малиновый халат, под ним сорочка. Левую руку заложил за спину.

– Что? – быстро спросил я, подсознательно ожидая очередных гадостей, происшедших за короткое время, пока я пытался отдохнуть.

– Ровным счетом ничего, – хмыкнул Бибирев и протянул мне доселе спрятанный сюрприз темно-зеленого стекла. – Вы уж извините, капитан, я без приглашения. Не спится. Не откажетесь разделить со мной порцию нектара?

Сверкнула этикетка «Арарата» тридцатилетней выдержки.

– Разве можно не поддержать вас в таком замечательном деле, как бытовое пьянство? – абсолютно некорректно фыркнул я. – Заходите.

– Вот и замечательно.

Особо отмечу, что вне рабочей обстановки Бибирев – совершенно чудесный старикан. Это только «при исполнении» Адмирал Флота, имперский министр и действительный тайный советник превращается в несокрушимый айсберг, способный потопить целую армаду «Титаников». Его жена умерла шесть лет назад, единственный сын погиб во время Азиатской войны, внучка учится в Академии ВКК на пилота и Бибирев очень за нее беспокоится – у девочки, похоже, напрочь атрофированы чувство опасности и инстинкт самосохранения, достаточно вспомнить, как она разбила тренировочный самолет и осталась жива только промыслом Божьим, иначе и не скажешь. Пара переломов не в счет.

Семьи ему не хватает, вот чего. И общения с обычными людьми. Почему на роль «внука» престарелый адмирал выбрал именно меня – понятия не имею. Но я не противлюсь: Бибирев отличный собеседник, в его голове умещается титаническое количество знаний на самые разные темы, по молодости лет он тоже был изрядным сорвиголовой и первый орден отхватил в двадцать два года во время конфликта в Южно-Китайском море, сразу по выпуску из обычнейшего командного училища ВМФ. Кроме того, с адмиралом приятно поговорить «за жизнь». А ему надо выговориться, это видно.

– Красиво как, обратили внимание? – меланхолично сказал Николай Андреевич, стоя перед обзорным окном. Его сухой профиль подсвечивался бело-синим сиянием Земли, наша крошечная искусственная планета проходила над Океанией. – Более захватывающее зрелище я видел только возле Юпитера, но сравнивать газовые гиганты и Землю не стоит, слишком велика разница. Сергей, вы что стоите столбом? Поищите в баре рюмки!

– Что к коньяку? – поинтересовался я.

– Апельсинчик найдется? Вы же знаете мои привычки.

– Поищу…

– Шестая секция автоповара, свежие фрукты, – очень вовремя напомнила внимательная Мириам.

– Заткнись, дура, – беззлобно сказал Бибирев. – Код – «омикрон сто шестнадцать-два». Поняла? Не смотрите на меня так, Сергей, – это код отключения системы компьютерного наблюдения, теперь она не будет занудствовать, а мы сможем спокойно побеседовать, не опасаясь лишних ушей. Пусть даже электронных и полностью мне подконтрольных…

«Арарат» разлит, апельсин нарезан. Пауза слишком затянулась.

– А ведь у человечества есть более чем реальный шанс спастись. – Адмирал погладил левой ладонью подбородок, глядя куда-то за мое плечо. – Фактически он уже реализован, население колоний давно перевалило за миллион, генофонд сохранится. Плюс шесть планет земного типа, где мы сможем начать восстановление цивилизации, да не с нуля и каменного века, а с позиций высокотехнологичной эпохи, обладая всеми знаниями и Дальним Флотом. Так, спрашивается, чего мы суетимся? Кому и зачем это нужно? Сергей, вы же понимаете, с какими проблемами мы столкнемся после… кхм… оглашения? Кстати, prosit!

– Лучше, чем хотелось бы, – мрачно ответил я. – Хорошо еще, что не успел я обзавестись женой-детишками, хоть об этом голова не болит.

– Ваша гипотетическая семья непременно попала бы в список, – индифферентно сообщил адмирал. – Налейте еще… Спасибо. Но по базам данных только среди подданных Империи более трехсот пятидесяти миллионов людей в возрасте до тридцати лет, плюс здоровые дети, являющиеся нашей главной надеждой. При ныне существующих возможностях эвакуировать мы сможем не больше двухсот миллионов, даже если начнем переселение немедленно. Засим: полностью обеспечить продовольствием на первое время можно лишь треть эвакуированных, остальным придется подтянуть ремни… или умереть. Сюда же

– минус тридцать миллионов потерь в первые годы в результате возможного голода, неизвестных пока заболеваний и конфликтов с конкурентами. Это только прогноз по России. Вот и считайте… Добавьте почти полмиллиарда населения Кайзеррейха. И современный, но не самый мощный германский флот, который не сможет выдержать подобной нагрузки.

– Значит, мы теперь работаем в связке с немцами? – Я попытался сменить тему.

– Да. Как и прежде, но на гораздо более серьезном уровне. Иначе не выжить, ни нам, ни им. Император встречается в кайзером Фридрихом на следующей неделе, здесь, на «Кронштадте». Документы готовятся, главное – не вызвать подозрений у соперников, которые начали что-то подозревать… Американцев насторожила активность Тегерана, Пекин тоже забеспокоился.

– Забеспокоишься тут, неудивительно… Одного не понимаю: для чего арабам потребовалось старинное оружие? Николай Андреевич, зачем им древние «калаши» и танки на дизельных двигателях?

– Не знаю. Но кое-какие предположения имеются, выясним, второй департамент не сидит без дела… Поговорим о другом, давайте? Не хочется портить последний в жизни вечер отдыха.

Поговорили. О новых фильмах, чужих формах жизни, дальнейшем развитии «Кронштадта» как уникального сооружения, впервые в истории ставшего астероидом, превращенным руками человека в техногенного монстра. О любимой внучке адмирала – я Наталью никогда не видел в лицо, но судя по словам Бибирева и моим собственным заключениям, у нее впереди большое будущее при любом раскладе: эдакая кавалерист-девица, какие редко встречаются в наши благополучные времена. Потом незаметно перешли на проблемы ведомства, хоть и негласно условились не обсуждать дела. Разговаривали обо всем, что на язык попадется.

Коньяк кончился. В отличие от сэра Уинстона Черчилля, выстоявшего «один на один» в грандиозном воздушном сражении 1940 года с ВВС Гитлера и считающегося в наши времена едва ли не эталоном жесткого государственного деятеля, Бибирев умел остановиться – Черчилль слишком много пил. Посему пустая бутылка «Арарата» отправилась в уничтожитель, адмирал встал и раскланялся:

– Сергей, простите что я отнял у вас два часа сна. И не перебивайте дурацкими вежливыми фразами! Мы все-таки не чужие, вы один из редких людей, которым я полностью доверяю. Вы всегда слишком… непосредственны, что ли? Я слегка подвыпил, говорю не то что надо… Но я знаю, – последнее слово Бибирев выделил голосом, – что вы всегда останетесь рядом. Что вы всегда будете моим правым плечом. Уж разрешите это сказать с точки зрения старого человека слишком много повидавшего на своем веку.

Взгляд у адмирала был совершенно трезвый. Трезвый и очень внимательный. Он ждал правильного ответа.

– А мне насрать на вашу подвыпистость! – напрямую брякнул я. – Есть три настоящие ценности, Николай Андреевич: честь, родина и семья. Уж извините за такой банальный пафос. Семьи у меня нет, родина скоро станет одним воспоминанием. Остается честь. Моя личная. Собственная и никем не отторжимая. За это стоит повоевать. Даже с Концом Света.

– Войдете в историю, – припечатал меня Бибирев. – Вы искренни, Сергей. Это видно. Вы будете драться до конца. Как и я.

Адмирал резко развернулся, подошел к двери каюты, большим пальцем вдавил круглую синюю кнопку. Засверкал яркими огнями коридор блока «В».

– Кстати, а что вы предпочтете спасению жизни десяти тысяч обывателей? – через плечо бросил адмирал, а затем повернулся ко мне. – Не отвечайте… Это мой вопрос к самому себе. И вот ответ: я предпочту эвакуацию собраний Эрмитажа и Третьяковки. Мы погибнем, но оставим след во Вселенной. Спокойной ночи, капитан.

Бибирев, ссутулившись, зашагал к лифту.

Я запер дверь. И только сейчас по-настоящему понял, на краю какой необъятной пропасти мы стоим.

Автоповар взвизгнул, сообщив, что мой ужин давно остыл и сейчас заново подогревается.

Это была отличная картошка, взбитая в пюре со сметаной, самый настоящий лосось и свежий салат, какого и на Земле не везде отведаешь. Но все равно я ощущал во рту вкус пепла.

Я никогда не боялся будущего, не боялся ближнего или дальнего своего. Не боялся чужих существ, универсальных хищников, с которыми пришлось столкнуться на «Патне» и в экспедиции на Сциллу – всего лишь обычные животные, пусть и наделенные крохой интеллекта. Не боялся на Меггидо, не боялся в Аргентине или Индонезии. Знал, что страх всегда можно преодолеть и через это получить в руки победу. Перешагнешь через дрожащую слизь страха, пнешь его тяжелым ботинком, не станешь обращать внимания на тошнотворно-сладенький комок под грудиной – вот за это и обретешь все, о чем мечтал. Но…

Но сейчас я боюсь. Боюсь монстра, пока находящегося в миллиардах километрах от Солнца, но неумолимо приближающегося к нашему светилу, к моей планете и такой уютной станции «Кронштадт». Приближающемуся к моей жизни.

Этой ночью мне снились кошмары. Впервые.

* * *

Громадность «Кронштадта» можно ощутить только находясь на борту самой станции, когда ходишь по ее бесконечным тоннелям и коридорам, пользуешься транспортной сетью, больше смахивающей на лабиринт автострад большого города, когда знаешь, что для посещения терминала, обслуживающего гражданские и грузовые корабли, придется преодолеть почти полсотни километров в направлении «экватора» в одной из капсул, носящихся туда-сюда по пневмоканалам…

С Земли бывший астероид 2153-DH выглядит как звезда первой величины, быстро перемещающаяся по небосклону. С борта челнока, при подлете к «Кронштадту», станция напоминает большущую картофелину относительно правильной сферический формы, две пятых поверхности которой чья-то легкомысленная рука словно бы оклеила фольгой и украсила тысячами огоньков. За пределами освоенной зоны по-прежнему можно увидеть тысячи кратеров и

трещин больших и малых размеров, перемежаемых серебристо-черными башенками двигательных установок, разбросанных на пространстве от полюса до полюса.

Вопрос о строительстве мобильной базы Флота встал двести лет назад и вначале конструкторы пошли по проторенной дорожке: на Земле, а затем и на Лунной орбите строились жилые и технические блоки, соединявшиеся затем в единый комплекс ажурными фермами и коммуникационными тоннелями. Получилось огромное и не слишком удобное сооружение, смахивающее на пчелиный улей – станция «Кронштадт-I», действовавшая на протяжении пятидесяти лет вплоть до Большой Аварии 2185 года, когда взрыв сразу четырех реакторов нанес базе огромный урон. Впрочем, это была не столько авария, сколько диверсия со стороны «Птолемея», которого нам не без труда удалось изолировать… Это отдельная история и как-нибудь я обязательно к ней вернусь.

Итак, командование ВКК оказалось перед выбором: начинать восстановление «Кронштадта-I» или использовать принципиально новую идею: пригнать из пояса Койпера или района Юпитера крупный астероид и создать на его основе искусственную планету. Тем более, что наши технические возможности позволяли сравнительно быстро (то есть в течение нескольких десятков лет) превратить холодный булыжник в новейшую орбитальную станцию, которая станет гаванью Флота, лабораторией, верфью, складом и всем, чем угодно. Американцы и европейцы отнеслись к проекту недоверчиво и продолжали развивать станцию «Гэйтуэй», являвшуюся аналогом первого «Кронштадта». Китай предпочел посвятить все усилия своей Лунной базе, так что Империя взяла все расходы на себя – по крайней мере в этом случае мы останемся единственными владельцами нового сооружения.

Первой и главной проблемой был поиск подходящего астероида – для строительства категорически не подходили углистые и кремнистые астероиды классов S и C, а металлических планетоидов Мтипа не так уж и много – где-то десять процентов от общего количества. Кроме того, камень должен подходить по размерам, от девяноста до стапятидесяти километров в диаметре, а его вещество должно быть достаточно спрессованным, желательно под воздействием высоких температур, а не в результате столкновений с другими телами.

Разведывательные корабли обшарили Астероидный пояс между орбитами Марса и Юпитера, автоматические зонды отправились к поясу Койпера и Облаку Оорта,

где скопился неизрасходованный при «строительстве» Солнечной системы материал. Это даже не поиск иглы в стоге сена – проще отыскать отдельную молекулу воды в океане. Но никто не терял надежды.

Как всегда и происходит, проблему решила случайность. Какой-то умник, покопавшись в базе данных, обнаружил, что еще в 2153 году системы наблюдения за ближним космосом зафиксировали одиночную малую планету, мирно путешествовавшую по очень вытянутой орбите от Венеры до Юпитера. По всем основным параметрам астероид соответствовал нашим запросам – размер, структура, форма. Быстренько вычислили его примерное местонахождение, отправили на охоту за камнем сразу пять кораблей, которые через два месяца торжественно притащили искомый планетоид на буксире в район Земли.

Ученые мужи были в восторге: диаметром малая планета оказалась 116 на 123 километра, минералогический состав тоже радовал – железо, никель, силикаты. Как только основной проект строительства был утвержден и место для «зародыша» базы выбрано, мощные лазеры боевых крейсеров выпарили поверхностный реголитовый слой, перемолотый столкновениями с метеоритной крошкой, и грандиозный замысел начал воплощаться в жизнь.

Уж не знаю, сколько миллиардов и триллионов потрачено на возведение «Кронштадта-II», сколько труда и ресурсов вложено в превращение безжизненной глыбы из убогого кремнийметаллического сфероида в орбитальный город, одновременно являющийся и Дальним Кораблем с немалым радиусом действия. Совершенствование Базовой Станции продолжается не прекращаясь восемьдесят лет подряд, данный проект является самым крупным и дорогим в истории человечества. Но окупается он стократно.

Еще в самом начале строительства было понятно, что БСФ должна иметь возможность маневрировать в пространстве – менять высоту орбиты, взаимодействовать с тяжелыми кораблями, в конце концов избегать столкновений с другими небесными телами. Но через три десятилетия в голову одного из инженеров пришла оригинальная мысль: а что если превратить «Кронштадт» из обычного спутника Земли в гигантский космический корабль, способный действовать не только в пространстве Солнечной Системы, но и за ее пределами? Штатовский «Гэйтуэй» из-за особенностей конструкции не может покидать ближайшие окрестности нашей планеты, и его благополучное существование зависит от постоянного подвоза ресурсов транспортами. Так почему бы вновь не утереть нос американцам, доказав, что даже такой

супергигант, как Базовая Станция Флота, может без особых трудностей путешествовать по Лабиринту? В конце концов искривленному пространству все равно, кто разгуливает по его коридорам – миниатюрная яхта измещением от силы в пять тонн или семидесятимиллиардный титан.

Сказано – сделано. Монтаж маршевых двигателей с водородными турбинами занял долгие годы, но в январе 2276 года «Кронштадт», заправившись ядерным топливом на Юпитере, разогнался до световой, вошел в Лабиринт и благополучно прыгнул к Проксиме Центавра, оттуда направился в систему Грумбридж-24, затем посетил звезду Барнарда и с триумфом вернулся домой, произведя грандиозный фурор и сенсацию века, на позор всем скептикам. Было окончательно доказано, что путешествия между звездными системами могут совершать объекты любой величины и массы – при очень большом желании и наличии достаточно мощных двигателей отправляй в странствие по Лабиринту хоть Марс, хоть Землю. Но столь дерзостный эксперимент реализовать невозможно по вполне понятным причинам: сдвинуть планету с орбиты и разорвать мощнейшие гравитационные узы человек не сумеет никогда, силенки у нашего блошиного племени не те…

Остается лишь заметить, что «Кронштадт» является важнейшим фактором военно-стратегического сдерживания – станция отлично вооружена и защищена добрым десятком силовых экранов, от магнитного до плазменного. Она способна выдержать массированный ядерный удар и столкновение с крупным метеоритом или другим астероидом, который, вообще-то будет уничтожен еще на подлете. Одно время раздавались голоса, сомневавшиеся в необходимости превращать БСФ в крепость, оснащенную наиболее современным и разрушительным оружием, вроде гигаваттных лучевых установок особо крупного калибра (земные войны, как и встарь, ведутся с помощью более или менее традиционного вооружения), но имперскую военно-космическую доктрину можно вкратце изложить тремя словами – «мало ли что». Никто не знает, какие опасности нас подстерегают в неисследованной и холодной Вселенной, факт отсутствия достоверных контактов с чужими цивилизациями и каких-либо реальных подтверждений их существования еще не доказывает того, что завтра нам не повстречаются хрестоматийные зеленые человечки, до зубов увешанные опасными игрушками, от кастетов до лазеров. А «Кронштадт» является зримым доказательством нешуточной силы, которой обладает человек, – береженого Бог бережет.

Однако моя последняя сентенция несправедлива. От появления страшилища, вознамерившегося нанести визит в Солнечную систему, нас не уберегут ни установленные на БСФ хлопушки, ни водородные бомбы, ни призывы ко всем богам, изобретенным человечеством за тысячи лет развития цивилизации. С этой мыслью надо смириться и попытаться спасти то что возможно.

* * *

В оперативно-тактический центр я добрался в сопровождении вчерашнего гориллообразного старшины, при появлении которого во мне проснулся комплекс неполноценности – дяденька был выше на полторы головы и наверняка весил на полцентнера больше. Интересно, откуда Бибирев берет эдаких мамонтов? Клонирует в особо секретной лаборатории, что ли? А может, это андроид последнего поколения? Люди обычно не вырастают до размеров колокольни! Хотя нет, от «искусственных людей» не пахнет потом и сигаретами, значит, все-таки homo sapiens…

Мы миновали длиннющий коридор жилого комплекса, остановившись у тоннеля пневмотранспортера. Вот тут меня проняло всерьез: едва я устроился в креслице прозрачной капсулы, как лепестки шлюза сошлись и болид ринулся вперед со скоростью пули, направившись в недра астероида. Ну чисто американские горки – мы неслись по узкому и полутемному коммуникационному каналу, проскакивали частые ответвления, несколько раз сверкнули яркие огни узловых терминалов, где можно было заметить фигурки людей. Затем капсула вошла в прямой как стрела коридор, направившись к ядру астероида. Искусственная гравитация ослабла, по моим ощущениям до половины стандарта: надо думать, для быстроты продвижения по каналу.

– Грандиозно, – выдохнул я, когда болид с шипением начал сбрасывать скорость, а сила тяжести вернулась к земной норме. – Километров двадцать? Больше?

– Угум, – развернуто ответил старшина и указал взглядом на распахнувшийся шлюз. Выходить вместе со мной он не собирался.

Скучный зальчик абсолютно пуст. Только на противоположной стене моргает красными огоньками идентификационный блок. Я отправил удостоверение в гнездо сканера, четко произнес кодовое слово, подождал, пока меня не ощупает веер зеленых лучиков, появившихся из углов зала.

Так. А это что-то новенькое, ничего похожего прежде не встречал. Чудеса в решете. Я-то полагал, что плиты стеклобетона сейчас попросту разойдутся, открывая проход, но вместо этого прочнейший материал начал таять в воздухе, испаряться, исчезать. Я ощутил, как по волосам и одежде поползли искры статического электричества, резко запахло озоном.

Очередной сводчатый коридор, выложенный камнем. Будто в старинном замке или монастыре. Скупое красноватое освещение. Прохладно, если не сказать – холодно. Воздух чистейший, при дыхании появляются моментально тающие клочья пара.

Я шагнул вперед и поморщился – ладонь, коснувшуюся полу кителя, чувствительно укололи статические разряды. Сплошная стена за моей спиной бесшумно восстановилась. Вернулся, потрогал, даже пнул носком ботинка. Стеклобетон. Тараном бей – не пробьешь.

Слух различил едва слышное гудение, и я с облегчением вздохнул: странности, похоже, кончились. В дальней стороне коридора вспыхнул мягкий золотистый свет и толстенная стальная плита медленно поползла вверх.

– Удивлены? – Насмешливый голос Бибирева казался громче из-за резонанса от стен. – Конечно, есть чему подивиться. Я тоже не поверил, когда впервые увидел. Доброе утро, Сергей Владимирович. Добро пожаловать. В этих помещениях еще не бывали люди в чине младше адъютант-полковника, тут даже обычнейшие операторы связи носят самые серьезные звания, а подписками о неразглашении все сотрудники обвешаны как новогодняя елка игрушками… Так что, господин штаб-офицер, вы сейчас очутились в святая святых, в самом сердце, в точке всех мыслимых отсчетов. По сравнению с «Бронзовой Комнатой» официальный оперативно-тактический центр «Кронштадта» является свалкой устаревшей техники и коллекцией антиквариата.

– Впечатляет, – протянул я, осмотревшись. – Очень.

– Еще бы! – Адмирала так и распирало от гордости за свое детище. – Данного комплекса нет ни на единой схеме БСФ, «Бронзовая Комната» – самая охраняемая тайна Империи, почище чем новые каналы Лабиринта, открытые нами, но еще не освоенные другими державами. Мы находимся на глубине тридцати одного километра под поверхностью, здесь собственная система жизнеобеспечения, термоядерный реактор, комплекс окружен защитной капсулой и может быть в случае серьезной опасности катапультирован из «тела» астероида, невзирая на очень солидную глубину заложения… Отсюда можно управлять всеми оборонительными силами Империи, любые виды связи с Флотом, Землей и Колониями. В качестве важного бонуса – единственный канал прямого общения с «Птолемеем».

– Быть не может! – Я с трудом заставил себя не открывать рот, подобно завидевшему конфету ребенку. Вот так новости! – «Птолемей» полностью блокирован, девяносто семь лет тотальной изоляции!

– Ошибаетесь, – хитро подмигнул Бибирев. – Мы постоянно с ним… э… беседуем. Умоляю, никому об этом не рассказывайте, будет скандал! Выпьем чаю? До начала еще полчаса, успеем…

Понятно, что это была никакая не «комната», а компактный, но исключительно высокотехнологичный командный центр, расположившийся на трех уровнях. Основа – большой круглый зал диаметром в сотню метров с куполообразным потолком и странным покрытием стен, действительно похожим на старую потемневшую бронзу с едва заметным зеленоватым налетом. На полу обычные плиты темно-красного гранита (с Земли привозили!), в центре стол для конференций в виде овала, рассчитанный не больше чем на три десятка гостей. Лазерные проекторы на тонких штангах.

– Вся «начинка» спрятана внизу, прямо под нами, – продолжил импровизированную экскурсию адмирал, когда мы зашли в помещение для отдыха. – Очень много экспериментальных образцов, не запущенных в серию, но прошедших испытания… Вам чай с сахаром?

– Нет, спасибо. Скажите, а почему стена исчезла? Так ведь не бывает!

– Сами себе противоречите. Один из законов науки гласит: если в природе чего-то не наблюдается, значит, этого «чего-то» скорее всего нет. Тем не менее стену

вы видели и трогали собственными руками. Равно как и прошли сквозь нее. Никакая это не стена, Сергей. Всего лишь новая разновидность силового поля.

– Всего лишь! – воскликнул я. – Я слышал о теоретических разработках! Принцип уплотнения молекул?

– Понятия не имею, я не физик. Лучше подумайте вот о чем: какой из ныне существующих малых кораблей вы считаете наиболее пригодным для проведения молниеносных десантных операций за пределами Земли? То есть прилетели, высадились, учинили разгром и снова улетели в голубую даль…

– Тип «Цезарь», – не раздумывая, ответил я.

– Но это же…

– Знаю. Вы спросили «какой из ныне существующих», а не «какой из стоящих на вооружении». Две большие разницы, как выражается доктор Гильгоф.

– Опять поймали меня на слове, капитан! Положи вам палец в рот, отгрызете руку по самое плечо! И где я для вас возьму «Цезаря»?

– Для меня, значит? – Слова Бибирева давали повод к серьезным размышлениям. – По-моему, если вежливо попросить сами-знаете-кого, он не откажет.

– Прекрасно. Займетесь этим самостоятельно, даю официальную санкцию. Заодно передадите мое частное послание.

– Даже так? – нешуточно удивился я. – Где он сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mart-yanov_andrey/voyti-v-bezdnu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить